

Лиза Баймун

*В каждой жизни
я буду рядом*

АНОМАЛИЯ 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

рай нашей вечности

18+

Лиза Баймун

Аномалия 2. Край нашей вечности

«Автор»

2026

Баймун Л.

Аномалия 2. Край нашей вечности / Л. Баймун — «Автор», 2026

Наш хрупкий мир раскалывается на осколки, а я пытаюсь собрать себя заново. Ник обманывал меня, пока я влюблялась сильнее. Оказалось, что даже у самой сильной любви есть темные грани. Семья врала мне долгие годы, скрывая тайну моего рождения. Люди, которых я считала самыми близкими, оказались чужими. Я потеряна и не знаю, кто я. **ВТОРАЯ ЧАСТЬ ЦИКЛА.** Остросюжетный любовный роман с элементами фантастики. **ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.** В тексте есть: сцены 18+, нецензурная брань, сцены грубого и жестокого обращения с главными героями. Выдуманная альтернативная реальность. Все события и герои вымышлены, совпадения случайны. **НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ. ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

© Баймун Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
ГЛАВА 1. Сгорая дотла	6
ГЛАВА 2. Тепло вдвоем	9
ГЛАВА 3. Расстояние между нами	21
ГЛАВА 4. Холодное касание страха	27
ГЛАВА 5. Верный путь	35
ГЛАВА 6. Темные секреты	44
ГЛАВА 7. Другой мир	52
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Лиза Баймун

Аномалия 2. Край нашей вечности

Предисловие

Дорогой читатель! Мы продолжаем погружение в историю Кэти и Ника, и я невероятно счастлива делиться этим с миром. Вторая часть будет эмоциональной, горячей, трепетной, нежной, а местами болезненной и сложной.

Надеюсь, что книга не оставит тебя равнодушным.

Все персонажи и совпадения вымышленные, и любое совпадение с реальными ситуациями является случайностью.

Приятного чтения!

С любовью, Лиза Баймун.

ГЛАВА 1. Сгорая дотла

Кэти

Боль. Страх. Отчаяние.

Тихий мрак накрывает мою комнату. Почти каждую ночь я просыпаюсь в половине третьего и не могу дышать от сотрясающих тело эмоций. Днем я блокирую ненужные мысли, а в темноте они вырываются из плена и душат меня.

Слезы обжигают глаза, но я не обращаю на них внимания. До боли впираюсь ногтями в ладони, чтобы унять разгорающееся желание позвонить Нику. Несколько дней назад я написала ему, что больше не участвую в запутанных играх.

В день нашей несостоявшейся встречи я видела его машину, припаркованную в тени у пустого дома на противоположной стороне улицы. Почти ощущаю его злость, раздражение и даже бешенство, но моей раненой душе нужны тишина и время.

Противоположные желания разрывают и тянут к разным полюсам, ведь мне так хочется поговорить с ним, рассказать все, найти утешение и защиту. Как раньше. Но я держу это в себе. Сохраняю молчание, потому что разбитая гордость осколками впирается в сердце от воспоминаний о его обмане.

У него есть невеста. Думать об этом невыносимо и разрушительно. Алисия станет его женой. Она всегда была уверена, что выйдет за него замуж, а я наивно воображала, что этого никогда не произойдет, ведь он любит лишь меня.

Когда я вспоминаю фотографии с ее страницы и кольцо на ее пальце, боль становится такой сильной, словно внутри закручивается смертельный огненный тайфун. Не могу поверить в его предательство, просто не могу. Это окончательно, безвозвратно уничтожит меня, и я выбираю спасительные иллюзии лжи, в которых нет жестокости и неверности.

Я снова оказалась в той же ловушке судьбы, что и несколько лет назад. Только теперь мне хочется не сдаться, а собрать оставшиеся силы и бороться за себя, чтобы не исчезнуть в пустоте.

— Кэти, я вернусь в воскресенье. У Венди выступление в Блэке, скорее всего она переночует там. Приготовь что-нибудь на обед, — буднично произносит Натали. Я больше не могу называть ее мамой. Это слово вызывает неловкость и стыд. Теперь мы стали еще дальше друг от друга. — И подумай о своем решении. Виктор согласился, что тебе нужен небольшой перерыв после... неожиданных событий, но через две недели ты должна вернуться на терапию.

Она старательно делает вид, что не произошло ничего катастрофического. Небольшое недоразумение стерлось из ее головы после короткого сухого монолога: *«Да, Катарина, это правда. Твои настоящие родители были не очень хорошими людьми. Они погибли, потому что связались со злом. Так бывает всегда. Мне жаль, что они родили ребенка и втянули его в это, ведь другие не виноваты в их грехах. Но это почти ничего не меняет. Тебя воспитали мы. Так что выкинь из головы все ненужное. Я не знаю имени твоего отца, а твоя мать всегда была избалованной и безответственной, не стоит ее жалеть»*.

Я прокручиваю прошлое и смотрю правде в глаза. Меня воспитывал дедушка. До шестнадцати лет я жила в Рейне и виделась с родителями очень редко. Никто из них не скучал по мне. Никто не интересовался моими мыслями, чувствами и переживаниями. После возвращения в Лиртем я ощущала себя чужой в их мире.

Мои настоящие родители были не очень хорошими людьми. Но ожившие воспоминания полны других оттенков: они любили меня и любили друг друга. В их мире было много света и тепла.

Звук отъезжающей машины напоминает о том, что я осталась в доме одна. Тишина поглощает. Пустота давит на плечи. Поднимаюсь к себе, сажусь напротив небольшого мольберта и бессильно смотрю на холст с размытыми мазками темно-синей краски. *Как его глаза.*

Ощуаю потерянность каждой клеточкой тела. Не понимаю, кто я и кем была. Мне исполнилось всего шесть лет, когда произошла трагедия, отнявшая у меня маму, папу и родной дом. Я не помнила этого долгие годы и сейчас не знаю почти ничего. Как мы жили? Что я чувствовала в тот страшный момент? Как выбралась? Видимо, ужас был слишком велик, и детская психика заблокировала все пережитое. Почему дедушка никогда не рассказывал правду? Наверное, жалел меня. Но это не спасло от глубинной, скрытой боли, которая прямо сейчас проносится внутри холодным северным ветром. Одиночество, всегда следовавшее по пятам, становится глубже, шире, отчетливее.

Начинаю рисовать звездное небо, но только порчу картину. Закрываю глаза, уношусь далеко отсюда, а потом достаю новый холст. Наношу бледные линии большого дерева жизни, внутри ствола и ветвей которого спрятаны стеклянные лифты. Работаю до тех пор, пока в теле не остается сил ни на одну мысль.

Задергиваю шторы и включаю ночник. Не могу спать без света, когда я одна. Кажется, что мои кошмары оживают, приобретают физическую форму и окружают меня. Отворачиваюсь к стене, глушу слезы и пытаюсь быстрее уснуть. Теперь я понимаю, почему мне так часто снилась огромная, сияющая карусель. Это было последнее счастливое воспоминание из моей «прошлой» жизни.

Я стою на перроне и замечаю дедушку. Вытираю слезы и бегу к нему, надеясь успеть. Он мягко улыбается и обнимает меня. Совсем как раньше. Тепло, надежно, успокаивающе.

— Не плачь, малыша. Это то, что должно произойти. Все события связаны невидимыми нитями, но лишь мы сами выбираем, по какому пути двигаться, чтобы изменить сценарий жизни. Мы всегда будем рядом. Я хотел защитить тебя и понимал, что нахожусь на опасной дороге. Не нужно ни о чем жалеть.

Часто моргаю и не могу произнести ни слова. Только прижимаюсь к нему сильнее. Мне хочется остаться здесь.

— Ты должна быть осторожна, потому что зло, которое погубило меня, затаилось рядом с тобой. Слышишь? Не доверяй им.

В голове слишком шумно. Слова сливаются в огромный ком неразличимых звуков. Отстраняюсь всего на миг, но дедушка резко исчезает в толпе. Я вижу его около одного из вагонов и бросаюсь следом. Не успеваю. Сердце стонет, когда черный устрашающий поезд скрывается вдали, оставляя после себя густой туман.

Я несусь до конца перрона и вижу лес, вокруг которого проложены рельсы в форме знака бесконечности. Все замыкается и вращается по кругу. Горькие слезы прожигают кожу, потому что я знаю, что дедушка не вернется. Оттуда не возвращаются.

Разворачиваюсь и бегу в другую сторону, не разбирая дороги. Вокзал сменяется тихой красивой площадью на берегу океана. В центре растет невероятное дерево, похожее на то, что я нарисовала вечером. Прикрываю глаза и проваливаюсь куда-то вниз. Все вокруг пронизано тоннелями и ходами. Часть из них спрятана под землей и выглядит злое. Некоторые пути ведут вверх. Среди множества людей замечаю Ника. Сердце переворачивается в груди и больно ударяется о ребра. Замираю, а потом бросаюсь за ним, но понимаю, что мы движемся в разных направлениях. Нас уносит прочь друг от друга. Я в оцепенении смотрю на него и не могу ничего сделать.

Внезапно теряюсь и оказываюсь в мрачных подземельях, где все пропитано смертью, страхом и злом. Я заблудилась и не могу выбраться, не могу найти свой путь к свету. Будто кто-то загнал меня в жуткий лабиринт и играет в ненормальную игру. Это странное место

напоминает старые сны и древний замок на острове. Я знаю, что из него сложно выбраться, но выход есть, и он находится где-то на глубине подземных этажей.

Делаю вдох, чтобы успокоиться, и застываю от ужаса. Дикое существо хватает меня и тащит за собой, а я отчаянно кричу и зову на помощь. Я зову его. Зову Ника...

Раскрываю глаза. Меня колотит, как при высокой температуре. Не могу дышать, спазм сжимает горло. Паника душит изнутри. Мысли рассыпаются на песчинки. Кажется, что где-то в доме притаилось страшное чудовище. Я снова возвращаюсь в свои детские кошмары.

На ватных ногах приближаюсь к шкафу и достаю футболку Ника. Сейчас мне все равно на здравый смысл и на гордость. Даже неважно, что произошло между нами. Возможно, утром я буду корить себя за слабость, но в это мгновение хочется хоть как-то справиться с парализующим ужасом. Представляю, что теплые объятия защищают меня от внешнего мира, и осторожно возвращаюсь в кровать. А когда засыпаю, то вновь попадаю в бесконечный калейдоскоп видений.

Сквозь размытые образы подсознания проступает знакомый голос. Я слышу его очень четко.

— Ты плохо себя вела, принцесса, и снова заставила меня ждать. Я не люблю это. Ты же знаешь. По-моему, следует немного наказать тебя.

ГЛАВА 2. Тепло вдвоем

Ник

Я не в себе.

Удар. Еще удар. Никакой жалости. Слепое желание выжить. Выжить, чтобы увидеть ее. Я сделаю это. Противник падает и захлебывается кровью. В моих легких почти нет воздуха. Представляю, что выбиваю жизнь из всех, кто причастен к моему кошмару, и энергия закипает с новой силой. Цена победы — мое будущее рядом с ней. Моя жизнь. Ее жизнь.

Зрение расплывается по краям, и я прикладываю втрое больше усилий, чтобы сконцентрироваться на дороге. Вождение давно стало неотъемлемой частью меня, и я могу управлять машиной даже в тяжелом состоянии. Все мои движения сведены к идеальному и четкому автоматизму. Чего не скажешь о мыслях и чувствах. Меня рвет в клочья, а тело ломит от пережитых драк.

«Марчен — это эксперимент, Ник. Небольшая модель того, как будет выглядеть Вельрум, когда мы установим свои правила. Мы создадим новые города, похожие на это место. Они станут центрами Округов для лучших из нас, а остальное население распределится по небольшим обособленным резервациям. Людей тщательно отфильтруют в зависимости от способностей и цветов Лирида, чтобы получить максимальную выгоду. Закрытые зоны для Аномальных продолжают свою деятельность, и все несогласные с нами окажутся там».

Содрогаюсь от кроваво-красных картинок. Все это превращает меня в чудовище.

Отец снова устроил каникулы в Марчене и затеял новое обучение. Теперь он преследует новые цели и знакомит с тонкостями семейных дел оригинальным способом, получая злорадное, извращенное удовольствие.

Этой ночью я побывал на ринге и сражался с другими счастливицами. Все они наивно надеются сохранить жизнь, выполняя приказы и участвуя в секретном шоу моей семьи. Но не все подозревают, что сдохнуть во время грязного боя без правил гораздо лучше, чем оказаться в клетке с каким-нибудь уродливым мутантом.

На ринге я видел разных соперников, и каждый следующий был сильнее предыдущего. Отец наглядно показывал мне, что законы Марчена способны подчинить и сломить любого. Там находились молодые спортивные парни, хитрые беглецы и опасные призраки, однако личность каждого из них постепенно растворялась во мраке подземелий. Они сопротивлялись, но в итоге подстраивались под ненормальную игру, желая выжить. Тех, кто оставался верен себе, ломали иначе. Находили их слабые места и уязвимости, а потом дергали за нужные ниточки. Подружки, дети, жены, родственники. Неважно.

Я лучше других знаю о том, что происходит вокруг. Вижу суть, закулисные маневры и подлинную действительность, пока многие считают Вельрум безопасным и надежным местом. Пока все они превозносят мою семью и восторгаются научными открытиями, которые окажутся ловушкой для каждого. Но мне плевать, что будет с остальными. Я думаю о себе. *И о ней.*

Разум плывет еще больше. Я одержим. Сейчас мне так физически плохо, что я не размышляю о последствиях бушующих эмоций. Внутри горит разрушительное пламя ненависти, и я хочу успокоить темноту, которая поглощает душу. *Хочу увидеть ее. Только ее.* Только она способна немного сгладить мою невидимую боль.

Кэти проигнорировала встречу. Наверняка обиделась из-за моего молчания. Я боюсь отпугнуть ее раньше времени, боюсь причинить вред, потому что Марчен высвобождает худшую часть меня. Рядом с ней невозможно контролировать себя. Я едва сдерживаюсь и сохраняю слабую осторожность, которая не позволяет получить от Кэти все, что только можно. Каждый день. Каждую ночь. Мне нужно много. Нужна вся она. Целиком. Без остатка. Ее чистое

сердце, ее мысли, ее теплый смех и даже слезы. Каждая частичка ее души должна быть только моей. Это не подлежит сомнениям и компромиссам.

Мне нужна наша вечность.

И мне даже нравится ее строптивость, потому что это выдает легкий карт-бланш и создает повод для наших небольших воспитательных игр. Кэти прекрасно знает, что меня бесит ее намеренный игнор и что он не спасет ее.

Последние два дня я поджидал ее около дома, звонил и писал. Она спряталась в комнате, как принцесса в башне, но это лишь сильнее разжигает азарт и дикое желание. Чем дольше она избегает меня, тем больше я возьму от нее при встрече. Я сделаю все, чтобы она не могла даже дышать без меня. Потому что я помешался на ней. Давно. И после того, как мы стали еще ближе, я не могу держаться в стороне. Мне постоянно хочется быть рядом. Нужна ежедневная порция ее любви. Без нее я физически и морально не в порядке.

Паркуюсь за кустами у заброшенного дома на ее улице и гипнотизирую окно комнаты. Закидываю в себя таблетку обезболивающего и запиваю водой, продолжая вглядываться в темноту. Мышцы болят так, будто их скрутило и вывернуло наизнанку. Мысли размазываются неровными пятнами. Меня мутит от голода, внутреннего холода и кипящего отвращения из-за собственной жизни.

Сегодня удача на моей стороне. Ее сестра ушла из дома час назад, а теперь и мать идет к автомобилю, держа в руках дорожную сумку.

Время приближается к десяти вечера. Принцесса будет ночевать одна? Мне не нравится эта мысль. Мало ли кто может пробраться в ее дом и сделать что-нибудь плохое, пока она беззащитно спит в своей постели.

Невесело ухмыляюсь и докуриваю сигарету. Жду дальше. На часах уже почти полночь. Свет в ее комнате становится бледнее. Выжидаю еще немного и выхожу из машины, по привычке накидывая капюшон.

Пустынный район выглядит так, будто жизнь здесь исчезает с заходом солнца. Мне неприятно, что она ходит по этим небезопасным улицам совершенно одна и становится слишком милой мишенью для всяких воров и бродяг.

Ее безопасность всегда была моим триггером. Кэти сильная внутри, но в то же время слишком хрупкая, нежная и неосторожная снаружи. И слишком невероятно прекрасная для меня. Она всегда была внутри моего сердца, даже когда находилась далеко.

Бесшумно открываю входную дверь ее дома, проскальзываю внутрь, запираю за собой и медленно поднимаюсь наверх. Я планирую устроить ей небольшой, горячий сюрприз, но не намерен пугать слишком сильно. Она ведь все равно почувствует, что это я.

Плавню пробираюсь в ее комнату. Тусклый свет от старой лампы подсвечивает фигуру принцессы. Кэти лежит, свернувшись и поджав колени, словно милый котенок, оставленный без присмотра. Отдвигаю одеяло, и поток горячей лавы оживляет мое тело.

На ней моя футболка. С моей фамилией на спине. Задерживаю дыхание, чтобы не свихнуться от этого прекрасного вида.

Переворачиваю ее на живот и нависаю сверху. Запускаю ладонь в мягкие светлые волосы и наклоняюсь, чтобы поцеловать в шею. Кэти вздрагивает и съеживается. Тихий жалобный вздох слетает с приоткрытых губ. Замечаю тяжелую печаль на ее лице и покрасневшие веки. Снова плакала. Немного задираю футболку и сжимаю ее красивую задницу. Кэти сводит бедра и слабо шевелится, выглядя так соблазнительно нежно, что вся моя тонкая выдержка разлетается на куски.

Просовываю руку под ее живот и немного приподнимаю, заставляя встать на колени. Кэти непроизвольно изгибает спину. От этого вида внутренняя тьма вырывается наружу и желает получить только ее.

— Ты плохо себя вела, принцесса, и снова заставила меня ждать. Я не люблю это. Ты же знаешь. По-моему, следует немного наказать тебя.

Тихий писк заглушается легким шлепком моей ладони о ее кожу. Кровь разгоняется по телу, окутывая жаром и похотью. Не могу мыслить трезво. Марчен, дом, семья, проблемы будущего вымотали меня и превратили в неадекватного психа, а я вижу лишь один способ восстановления душевного равновесия. Один шанс стать нормальным и вернуться к подобию спокойной жизни. Все мои надежды и мечты о свободе заключены в ней. Весь смысл только в ней.

— Ник? Ты? Не трогай меня... — Кэти сопротивляется, не успев открыть глаза. Я удерживаю ее на месте. Она пытается освободиться и сильнее сводит бедра, но из-за ее движений футболка задирается еще больше, открывая прекрасный обзор на стройные ноги и узкую талию. Идеальная. *Моя*. — Не смей трогать меня... после всего.

— Ты такая непослушная малышка, — ухмыляюсь я, кусая кожу на ее шее. Она вскрикивает и отпихивает меня. — Я назначил встречу, а ты снова проигнорировала. Разве девушки поступают так со своими парнями? Мы ведь теперь встречаемся. Или ты забыла, что согласилась стать моей? Я слегка огорчен, поэтому мы протестируем нашу новую систему твоего воспитания.

Мне нравится ее дразнить. Ее трепетная злость выглядит мило. Тело сводит в мучительном предвкушении от фантазий того, что я хочу с ней сделать.

Я давно не прикасаюсь ни к кому, кроме нее. *Не считая случаев в Марчене*. Это слегка изматывает, но я не хочу никого другого. Не хочу видеть, касаться и чувствовать. Чужие запахи, голоса и тела вызывают неприязнь. Потому что все они не похожи на нее. Неудовлетворенность подпитывает злость и несдержанность, и я выливаю раздражение на всех, кто попадает под руку.

А Кэти... я и не надеялся, что наши отношения сложатся идеально ровно. Она будет устраивать мне эмоциональные взрывы своими вредными выходками, но это лишь усиливает общее притяжение.

Удерживаю ее на месте и надавливаю на поясницу, заставляя прогнуться еще больше.

— Не надо, — шепчет она. — Остановись. Я поторопилась, когда согласилась на отношения с тобой.

— Думаешь?

Опускаю ладонь между ее ног. Кэти сдавленно стонет и хочет отстраниться, но я сдвигаю тонкую темную ткань ее нижнего белья и углубляю ласки. Тяжелое дыхание малышки пропитано стойким протестом против меня. Ее движения замедляются, а тело плавится в моих руках. Такая маленькая, невинная и гордая. Такая теплая, нежная и отзывчивая.

Вновь шлепаю ее по бедрам, прикладывая чуть больше усилий, и едва не взрываюсь от ее вскрика. Сердце колотится с бешеной скоростью. Кэти пытается увернуться от моей ладони, но этим сильнее распаляет воображение. Прикрываю глаза, видя слабые розовые отметины на ее заднице.

— Хватит, — хнычет она. — Ты ужасен.

— Твое тело считает иначе.

Очерчиваю линии бесконечности на ее животе и спине и двигаюсь ближе.

Она просит о невозможном. Даже если бы я очень постарался, то не смог бы остановиться.

— Признайся, что поступила неправильно, и скажи, что ждала меня, — шепчу я, окунаясь в ванильный аромат ее волос. Только она пахнет так сладко. Мне настолько невообразимо хорошо, что это кажется раем.

Она упрямо молчит и всхлипывает. Я осторожен и не причиняю боли, ее слезы вызваны обидой и потревоженной гордостью. Если бы я действительно хотел сделать ей больно, то действовал бы иначе. Поглаживаю ее бедра и целую в изгиб плеча.

— Принцесса?

Я готов отдать все на свете, лишь бы вечно ощущать ее дрожащее тело под собой. Готов спалить весь мир, если потребуется. Перевернуть все вверх дном, чтобы быть с ней. Впервые за долгое время ощущаю себя живым. Каждая клетка тела жаждет почувствовать ее теплоту. Только Кэти возрождает во мне что-то необъяснимое, непонятное, забытое и далекое. Что-то важное. И мне это до безумия нравится.

Ее сопротивление медленно гаснет, когда я вновь касаюсь ее бедер и низа живота. Но Кэти сохраняет молчание. Расстегиваю ремень и джинсы, и густой туман обволакивает все пеленой. Она всхлипывает громче и снова пытается встать.

— Расслабься, — приказываю я сквозь зубы, пока внутри разгорается темное зарево пожара.

— Я не хочу. Нет. Не надо, Ник.

— Сегодня я решаю, чего ты хочешь, — оскаливаюсь я. Кэти беспомощно стонет и плавно двигает бедрами. — Расслабься, детка.

Малышка дрожит и выглядит слишком потрясающе. И она принадлежит мне. Я бы ни за что не променял ее на кого-то другого. Никогда. Даже если она думает иначе. Устраиваюсь поудобнее и прижимаюсь к ней, давая ощутить предвкушение нашей ночи.

— Когда ты уже смиришься с неизбежным, Кэти? — я растягиваю слова и улыбаюсь, как самый настоящий влюбленный идиот.

Обхватываю узкую талию и наслаждаюсь тем, как ее тело идеально подходит мне.

— С чем? — Кэти прерывисто вздыхает, и я точно знаю, что не смотря на свои истерики, она будет всегда покорно принимать меня.

— С тем, что ты всегда принадлежала и будешь принадлежать мне. Только мне, — тяну ее волосы, заставляя немного запрокинуть голову. Вижу, как она закрывает глаза. — И только я буду в тебе. Запомни это. Никогда не убегай от меня. Знаешь, что делают с плохими, непослушными девочками?

Она замирает, прекрасно чувствуя мои мысли, а я шире раздвигаю ее ноги и вхожу в нее одним толчком. Кэти вырывается, но я крепче стискиваю ее талию и погружаюсь глубже. Жду, пока ее всхлипы сменяются едва различимыми стонами, и двигаюсь быстрее. Нам обоим это нравится. Ее тепло окутывает меня невыносимым жаром. Все, что было до нее, кажется пресным, скучным, ненастоящим, чужим.

Мои движения становятся жестче, резче. Убийственная тяжесть накрывает плотным облаком, внутри которого проскальзывают красные вспышки затухающей злости. Чувствую, что на пределе и выхожу из нее. Кэти отползает в сторону. Возвращаю малышку обратно и переворачиваю на спину.

— Я скучал по тебе. Безумно скучал.

Целую ее в губы, но принцесса отталкивает меня и хмурится.

— Слезь. Я не прощу тебе этого.

Провожу языком по ее шее и слегка царапаю кожу зубами. Кэти томно дышит, когда я запускаю руки под ее футболку.

— Мне кажется, ты недовольна, потому что хочешь еще, но не можешь признаться, — протягиваю я.

Раздвигаю ее бедра шире и снова погружаюсь в нее. На этот раз немного медленнее. Смотрю в глаза, впитывая каждую, даже самую неуловимую эмоцию. Внутри светло-аквамариновых оттенков искрится мягкий золотой свет, и я тону. Кэти расслабляется, и ее руки непривычно ласково обвиваются вокруг моей шеи, а веки медленно опускаются.

— Ник... — шепчет она и задерживает дыхание.

Мое имя оседает на ее припухших губах, и мощная вспышка удовольствия слепит меня на несколько минут. Целую и не могу насытиться ее вкусом. Не могу остановиться. Не могу оторваться от нее.

Неохотно отстраняюсь и натягиваю джинсы. Кэти переворачивается на бок и отползает к стене, пряча лицо.

— Ты — моя, — выдыхаю ей на ухо и обнимаю сзади, устраиваясь рядом.

Только с Кэти я ощущаю, что такое настоящий дом.

Не замечаю, как отключаюсь. Когда я спал в последний раз? Порой меня тоже мучают кошмары, и в них всегда она. Нас разлучают, ее забирают и причиняют боль. Рыдания и крики ярко звучат в моей голове даже после резких пробуждений. Но когда она рядом, все страхи затихают. Усталость и удовлетворение стирают лишние мысли. Внутри успокаивается тьма, гасится ненависть, а бессвязные мысли перестают раздирать голову.

Просыпаюсь от легкого удара. Кэти впечатывает небольшую подушку в мой живот и выскальзывает из кровати. Я не успеваю задержать ее, и она перебирается в бесформенное кресло. Обхватывает себя руками и прожигает меня обиженным взглядом. Стрелки наручных часов приближаются к четырем утра.

— Не могу поверить, что ты посмел это сделать, — выдавливая она, показывая всем видом, что готова отважно противостоять мне. Это очаровательно и будоражит кровь.

— Сделать что? — размыкаю пересохшие губы и снова чувствую боль в теле. Вместе с ней возвращается задавленная смесь грязных, неправильных эмоций.

— Ты пришел сюда, воспользовался мной и невозмутимо спишь в моей кровати. А если кто-нибудь увидит тебя?

— Я знаю, что ты одна в доме. Пришел охранять тебя и не смог удержаться, — ухмыляюсь я. Сладкая агония от полыхающих воспоминаний расплывается в груди. — И кажется, ты была совсем не против, когда я находился в тебе.

— Не смешно. Ты обманул меня. Снова. Я была полной дурой, когда поверила твоим признаниям.

Мой внутренний пожар заливается ее холодным разочарованием.

— Я не обманывал тебя.

— Ты переспал со мной, получил свободные, тайные встречи для секса без обязательств и забыл упомянуть, что совсем скоро женишься на Алисе, — ее голос сильно дрожит и обрывается на полуслове.

Блять. Только не это. Как Кэти узнала об этом так быстро? Она мне не поверит.

— Ты говорил, что ненавидишь ее, и так красиво играл роль, а сам все это время откровенно смеялся надо мной? Сестра рассказала о вашей помолвке, потом я увидела фото со страницы Алисы. Даришь кольца всем наивным подружкам?

— Кэти, — процеживаю я, мгновенно наполняясь ненавистью к Алисе, своей семье и всему миру. — Все не то, чем кажется.

— Ммм, и ваши семьи не готовят подарок в виде собственного дома, который опубликован в ее посте? Как долго собирался врать? Пока не надоест? Или наличие жены не мешает тебе иметь много других... любовниц? Так ведь?

Она практически озвучивает фразы моего отца, в которых скрыты обыденные искаженные нормы богатого лживого мира. И что-то внутри меня рвется от пронзительной грусти в ее словах.

— Или это просто игра, которую ты не закончил в прошлый раз?

Я опираюсь на локти и сажусь на кровати.

— Не подходи, — она выставляет ладонь вперед, предугадывая мои намерения. — Или я...

Кэти теряет. По бледным щекам катятся слезы, обнажая ее уязвимость. Но я остаюсь на месте. Не хочу делать ей больно и выбираю осторожную тактику.

— Выслушай меня.

— Я слушала тебя очень много. Ты умеешь красиво манипулировать людьми. Только никак не пойму одного: зачем тебе я? Почему именно я? Что со мной не так?

Она смотрит прямо в глаза, и спрятанная внутри нее глубокая боль царапает где-то под моими ребрами. Никто не смотрит на меня так искренне, открыто, смело, немного вызывая и так обезоруживающе нежно. Кэти видит все, что скрыто в глубине моей сущности.

— Я говорил, почему ты. Потому что нет никого, кроме тебя. Не верь пустым слухам. Я женюсь только в одном случае: если это будешь ты.

Она молчит. Ее слезы убивают меня.

— Кэти, так нужно. Пока что. Я не женюсь на ней по-настоящему, принцесса. Это все игра. Но моя семья должна считать иначе.

— Почему?

— Лучше тебе не знать все подробности этой грязи.

— Тогда тебе лучше не прикасаться ко мне.

— Ты сдашься первой, потому что нуждаешься в нашей близости и принадлежишь мне.

— Если ты используешь мое тело, то это не значит, что ты владеешь мной.

Ее собственность бесит и воспаляет мои нервы с пол оборота.

— Я сбегаю отсюда, и ты никогда меня не найдешь, — неожиданно выдает она, съеживаясь от боли. Внезапно понимаю: что-то с ней не так. И дело не только во мне.

— Я найду тебя где угодно. На другой планете. В любой реальности. В самой далекой вселенной. В раю или в аду, — хищно обещаю я, вставая и плавно приближаясь к ней. — Даже спустя миллионы лет. В каждой жизни я буду рядом.

Кэти вскакивает и пятится назад, загоняя себя в угол.

— Не хочу, чтобы ты трогал меня сейчас.

— А я хочу, чтобы ты навсегда забыла свои глупые угрозы, — рычу я и обнимаю ее. Кэти сопротивляется и вырывается, но я сильнее. Через несколько минут она затихает и беспрерывно всхлипывает. — Я не обманывал тебя, когда говорил, что ты нужна мне. И единственное, чего я хочу — это быть с тобой где-нибудь далеко отсюда. Хоть на краю вечности. Отец планирует слияние бизнеса с МакЛаренами, но этой свадьбы не будет. Меня ничто не связывает с Алисой. Ее фото — это фальшивые декорации. Мне нужно гребаное время и козыри на руках. Нужно все продумать и не рисковать тобой. Слышишь?

Она мотает головой.

— Не верю.

— Ты веришь тому, что слышишь от других. Смотришь происходящее их глазами. Не прислушиваешься к себе. Можешь не верить мне, но не глуши свою душу и интуицию. Вряд ли твоё сердце настроено против меня. Я слышал, как ты шептала мое имя во сне.

Кэти застывает.

— Я не хочу причинять тебе боль. Я хочу защитить тебя.

— Тогда ты можешь рассказать мне всю правду.

— Не могу. Не хочу. Сейчас не то время.

— Почему твой отец имеет такое влияние? Почему ты не откажешь ему? Дело только в деньгах, которых боишься лишиться?

Она поднимает светлые глаза и всматривается в мое лицо.

— Он ужасный, больной человек. Ты даже не представляешь, насколько опасна и безумна моя семья. Они пойдут на все, чтобы испортить мою жизнь, потому что ненавидят с самого детства и давно ищут мои слабости. Если они узнают о нас, то заберут тебя и используют против меня. Нам нужно исчезнуть с их территории как можно быстрее, и я делаю все для этого.

Если надо подыграть их уродским планам, чтобы загасить подозрения, то я воспользуюсь этим шансом.

Кэти едва ощутимо вздрагивает. Ее розовые губы трогательно приоткрываются, а во взгляде мелькает замешательство.

— А твоя мама? Я видела, что ты дорог ей.

— Ей дорога комфортная жизнь и деньги. Если бы ей был дорог я, то она сделала бы хоть что-то, чтобы это доказать. Она такая же, как и отец.

Кэти недолго молчит, а потом продолжает другим тоном.

— Мне тяжело от всего, что происходит со мной. Я задыхаюсь.

— Знаю. Поэтому я просил тебя верить мне.

— Не хочу, чтобы меня использовали и играли с чувствами. Не хочу быть с тем, кто не любит по-настоящему.

— По-настоящему? Знаешь, в чем дело? Ты жутко капризная, невыносимо вредная, ужасно строптивая, но я никогда не хотел никого другого. Ты — моя лучшая награда. Мне нужна только ты. В моей жизни не было ничего более настоящего, чем это.

Приподнимаю ее и несу к кровати. Усаживаю к себе на колени и прислоняюсь к стене.

— Почему на нашем пути так много сложностей? — она склоняет голову и тяжело дышит.

— Может быть, нам просто не следует быть вместе? Судьба разводит нас, а мы идем против ветра и получаем еще больше испытаний?

Тонкие пальцы впиваются в мои плечи, как будто она отказывается верить в то, что говорит.

— Мне плевать на судьбу и на все дерьмо, что нас окружает.

— Каждый раз, когда я верю тебе, верю в нас, вспоминаю о мечтах, происходит что-то плохое и уничтожает меня. Ты дорог мне, но я боюсь. Боюсь сгореть. Иногда я боюсь того, что скрывается в твоей голове. Боюсь подумать о будущем, потому что все может оказаться иллюзией и разрушающим душу миражом. Я боюсь себя. Мне нужно время.

Она неосознанно проводит ладонями по моей груди и рукам, касается шеи и замирает.

— Что это?

Ее пальцы оттягивают ворот футболки и кружат вокруг глубокой царапины. Кто-то из противников на ринге оставил напоминание о бое. Кэти дотягивается до ночника и прибавляет яркость света, а потом возвращает все внимание ко мне. Ее зрачки расширяются, затемняя аквамариновый блеск.

Смотрю на нее, и комната теряет четкость. Сжимаю тонкое запястье, когда она тянет мою футболку вверх и ужасается из-за припухших синяков.

— Откуда это у тебя? — в тихом голосе плещутся неуверенность и страх.

Если бы она увидела, на что я способен, то без сожалений стерла бы из своей головы все воспоминания обо мне. Не хочу, чтобы она знала меня другим, потому что глубокая тьма моей души способна поглотить ее.

— Могу раздеться сам, если ты очень хочешь, — шиплю я, когда она задевает еще одну царапину под ребрами.

— Снова уйдешь от ответа?

— Подпольные бои без правил, — отвечаю почти честно.

— Зачем тебе они? Деньги? Развлечения? Я не верю, — она качает головой и смотрит в глаза, видя насквозь. — Что с тобой происходит?

Кэти высвобождает ладонь и осторожно касается синяков.

— Ты весь в ранах, — выдыхает она с плохо скрываемой жалостью, от которой я ненавижу себя еще больше. — Это случается часто? Очень больно?

— Какая разница?

И вновь сожаление и печаль заполняют ее небесные глаза. Мощная вспышка из прошлого накрывает мой раскачивающийся разум и возвращает на много лет назад. В полусон, где я впервые увидел образ милой девочки, согревшей меня теплом. Я с болью и тоской думал, что это лишь видение поврежденного мозга. А когда нашел ее в реальности, то моментально понял, что бесповоротно очарован и одержим.

Нежные пальцы касаются моей разбитой губы, щеки, а потом предплечья. Хочу скинуть ее руку, но приятное тепло разливается по коже, заживляя раны. Не нахожу сил разорвать контакт.

— Я хочу помочь тебе.

Она встает с моих колен. Я возвращаю ее обратно.

— Не надо меня жалеть.

— Это не жалость, Ник. Я чувствую твою боль, и от этого мне нехорошо. Хочется помочь и сделать так, чтобы тебе стало легче.

Она все-таки поднимается, идет к комоду и достает из нижнего ящика небольшую косметичку.

— Сними футболку. Я посмотрю и обработаю твои царапины.

Никто не видел меня таким уязвленным, никто не касался меня в таком состоянии. Избегали, не приближались, опасались, считали неуравновешенным. Даже собственная мать. Всем было глубоко плевать.

Кэти стаскивает мою футболку, и я сдаюсь, получая особое удовольствие от ее прикосновений. Она внимательно осматривает мое тело, стараясь стереть потрясение со своего лица.

— Наверное, тебе лучше поехать в больницу.

— Что я там не видел?

— Нужно хотя бы промыть раны, — Кэти сжимает мою ладонь и ведет в ванную.

Печаль по-прежнему затемняет ее глаза, но теперь малышка сосредоточена на помощи. Это растапливает мое глухое сердце. Я прислоняюсь к тумбе и покорно жду, пока она достает полотенца, салфетки и смывает остатки крови с неровных порезов. Кэти замирает на минуту и прикрывает глаза.

— Кто делает это с тобой? Твой отец? — прямолинейно спрашивает она и сразу попадает в цель.

Кэти умеет талантливо видеть истинную суть вещей. Особенно, если это касается меня.

— Неважно.

— Мне невыносимо знать, что тебе больно и что это происходит в твоём доме.

Она опускает взгляд и продолжает свои аккуратные манипуляции. Морщусь, когда едкая жидкость жжет поврежденную кожу. Кэти слегка обнимает меня и достает еще несколько тюбиков с мазями. Накладывает небольшие повязки в некоторых местах. Подставляет мои ладони под теплую воду, а потом бинтует разбитые ладони.

— Где ты этому научилась?

— Нигде, — ее ресницы дрожат. Нехорошие подозрения врываются в мои мысли ледяным ветром. — Вспоминаю, как раньше ты лечил мои ушибы, и стараюсь повторить все так же. В Лурке иногда приходилось заклеивать себе царапины.

— Кто-то обижал тебя? — моя злость вновь заостряется, и я поворачиваю ее голову к себе, приподнимая подбородок.

— Это были случайности. Падала несколько раз, — Кэти уходит от ответа и замыкается в себе.

Я понимаю, что мои догадки близки к истине. Ублюдки. Хочу разорвать любого, кто дотрагивался до нее, кто говорил ей хоть что-то плохое. Но в случившемся много моей вины, и я знаю об этом. Я должен был добраться до нее гораздо раньше, а не просто наблюдать издалека.

Кэти заканчивает и делает шаг назад.

— Помнишь, как я впервые поцеловал тебя здесь? — произношу я и прижимаю ее к стене. Кэти упирается ладонями в мой живот, стараясь не задеть повязки. Наклоняюсь и грубо целую ее. — Ты призналась мне в любви.

Поцелуй ощущается лучше всех лекарств. И я, наконец, чувствую легкую расслабленность.

— Что с твоим взглядом? — выдыхает она, когда я отодвигаюсь и довольно разминаю шею.

Кэти часто и поверхностно дышит, и я залипаю на ее припухших сладких губах. Немного прихожу в себя, и зрение проясняется.

— Что с ним?

— Словно я смотрю в неконтролируемую бездну тьмы. Ты не в себе? Принимал какие-то лекарства?

— Только обезболивающее.

Не в себе я уже давно. Ей не стоит знать, что меня часто угощают разными экспериментальными препаратами, которые разрабатываются в Центрах Ресуректона. Лекарства обещают вылечить многие болезни и восстановить здоровье, но предназначены для разнообразных целей. Сейчас я почти пришел в норму после жуткого багрового тумана в голове и взрывов неконтролируемой ненависти.

Кэти грустнее еще больше и обнимает меня. Мы долго стоим в тишине. Я прислушиваюсь к ее дыханию и наслаждаюсь ароматом ванили, в котором растворяются мои тяжелые эмоции.

— Останься со мной, — едва уловимо шепчет малышка и торопливо добавляет. — Сегодня.

— Что? У меня снова галлюцинации? — улыбаюсь я, пока внутренности плавают от тлеющего удовольствия. Кэти торопливо добавляет:

— Мне снились кошмары.

Она выскальзывает из моих рук и идет в комнату, опустив голову. Забирается на кровать и по привычке кутается в одеяло. Вижу крупные кристаллы слез на длинных ресницах. Выглядит завораживающе красиво и одновременно болезненно беззащитно.

Раньше я часто утешал ее во время ночных кошмаров.

Кэти молчит. Я сажусь рядом. Мой взгляд падает на набросок картины в мрачных темнорубиновых тонах. Черные розы в пепле на земле, разбросанные белые маски и разрушающийся от пожара замок. Болезненный разряд пронзает под ребрами. Ее рисунок пропитан до боли знакомой атмосферой, которая душит меня каждый день.

— Новая картина? — спрашиваю резче, чем хотелось. Кэти ловит направление моего взгляда.

— Снился сон. Часть его была размыта, но последний кадр вспыхнул очень четко и засел в голове. Я перенесла его на холст, чтобы очистить память.

Ее голос звучит как-то отстраненно и безлико, словно Кэти думает совсем о другом.

— Я кое-что узнала, — несмело начинает она спустя несколько минут. — Это касается моей семьи.

Глубокий длинный вздох прерывает ее речь. Тишина вновь расплзается между нами. Кэти прячет лицо в ладонях, ее хрупкие плечи содрогаются от начинающихся рыданий. В моей голове тут же проносятся тысячи нервных предположений.

— Кэти, — крепко обнимаю малышку и прижимаю к себе. Хочу, чтобы она чувствовала, что я рядом. По-настоящему рядом. — Что случилось? Я с тобой, слышишь?

Ее слова вязнут во всхлипах. Она зажмуривается и задыхается от яркой боли, отраженной на лице. Я ложусь, притягиваю ее к себе и кутаю в одеяло. Раньше это немного помогало

и создавало барьер воображаемой защиты. Когда ей снились плохие сны, она прижималась ко мне, пряталась от мира и медленно успокаивалась.

— Мои родители мне не родные. Те, кого я считала мамой и папой, оказались чужими людьми, которые были вынуждены забрать меня, — плачет Кэти. — С моими настоящими родителями произошло что-то ужасное. Они... они погибли. Так говорят. Я видела... видела во сне, как плохие люди сожгли наш дом. Все было уничтожено.

Кэти задыхается от истерики, а я чувствую себя так, будто меня оглушили тяжелым молотом. Даю ей время и молча обнимаю, целую в лоб. Мозг лихорадочно обрабатывает новую информацию.

— Это звучит как сценарий страшного фильма, Ник. Я не могу поверить. Это все происходит не со мной.

— Ты уверена, что это так? Как ты узнала?

— Сначала проболталась Венди, позже ее слова подтвердила... Натали. Есть документы. Я — дочь ее родной сестры, которая тоже была Аномальной. Об отце почти ничего не известно.

Кэти горько плачет, и ее сотрясает мелкая дрожь. Она прячет лицо у меня на плече и жалобно сопит. Неожиданные признания похожи на удар под дых. Я не подозревал, что в ее прошлом так много глубоко зарытых тайн.

— Дедушка тоже обманывал меня. Теперь я понимаю, почему родители всегда были холодны со мной. Они согласились на это только ради денег.

— Принцесса, дыши, — прошу я, чувствуя, что ее тело сводит судорогой.

Сотни маленьких шестеренок крутятся в голове. Нужно раздобыть информацию о ее настоящих родителях. Мне все равно, кем они были, но я хочу знать о ней все. В моих руках должны быть все карты и козыри, чтобы я мог предусмотреть неприятные повороты событий.

— А потом приснился сон. В нем я была ребенком. Мне только исполнилось шесть. Они любили меня. Наш дом казался лучшим местом в мире. Вооруженные люди ворвались туда и разрушили все. Они сожгли дом, сожгли город. Нас с мамой посадили в грузовики, а меня заперли в небольшом деревянном ящике. Я слышала их злые голоса, как наяву. Ник, меня выворачивает от страха каждый раз, когда вспоминаю это. Лучше бы я никогда не знала. Не понимаю, кто они, куда везли меня и как я выбралась. Они произносили слово Марчен, и больше никаких зацепок.

Моя кровь леденеет и превращается в отравленную жидкость. Темные полосы плывут перед глазами, когда я представляю крошечную, шестилетнюю принцессу в уродливом, жестоком Марчене. Ярость раздирает грудь изнутри огромными, острыми когтями и заполняет меня тьмой.

— Чувствую себя так, словно совсем не знаю, кто я на самом деле, — она затихает и лежит молча, обводя пальцами края моих татуировок. — Или как будто мне здесь не место.

— Не говори так. Никогда, — резко перебиваю я. — Твое место всегда рядом со мной. Мы разберемся с этим.

Ей нужно прожить, осознать и отпустить это, даже если слишком трудно. Наше прошлое играет не решающую роль. Теперь я еще сильнее и еще быстрее хочу увезти ее отсюда и спрятать от чужих глаз. Мне не совсем ясны мотивы ее приемной матери, спутавшейся с ублюдком Виктором. Я не доверяю ей и вижу, что мелочная сущность женщины зациклена на деньгах.

— Хочу узнать, кем они были.

Не уверен, стоит ли ей погружаться во все кошмары прошлого, и планирую оградить от ненужных травм.

— Попробую что-нибудь выяснить, — произношу я, просчитывая действия и ходы. Возможно, Картер поможет мне.

Кэти проваливается в дремоту, но вздрагивает даже во сне. Когда я приподнимаюсь на локте, чтобы отпихнуть в сторону дурацкого плюшевого медведя, лежащего на кровати у стены, Кэти открывает глаза и растерянно озирается по сторонам.

— Оставь медведя в покое, — бормочет она.

— Он занимает слишком много места. Здесь и так тесно, — ворчу я.

— Я с детства сплю с ним. Это меня успокаивает.

— Мило. Откуда он у тебя? — самодовольная усмешка растягивает мои губы, и я даже не пытаюсь скрыть свое растущее самолюбие. Кэти озадаченно смотрит на меня.

— Ты уже спрашивал. Какая разница? Он появился давно. Если медведь тебе очень понравился, то могу подарить его.

Смотрю на нее с легким превосходством. Не помнит. Она не помнит, как я подошел к ней в парке, моментально узнав в ее взгляде девочку из ночных видений. Я выиграл этого медведя в тире и подарил ей, надеясь подружиться, но ее дедушка увел малышку прочь.

Разваливаюсь на подушках и лениво начинаю небольшой рассказ.

— В тринадцать лет я встретил в парке красивую и милую девочку. Она была похожа на настоящую принцессу, и мне показалось, что я видел ее в своих снах. Решил познакомиться, а вредина ответила, что не хочет ни с кем разговаривать. И если бы не мое обещание купить гору конфет, то ее недоступное сердце никогда бы не оттаяло. Она пошла за мной, а потом я выиграл в тире этого слегка облезлого медведя. Девочка так мило обнимала его и боялась чего-то, и я пообещал всегда защищать ее.

Заканчиваю маленький монолог и наслаждаюсь откровенным замешательством Кэти.

— Ты снова врешь? Я начинаю подозревать ложь в каждой твоей фразе. Хватит издеваться надо мной.

— Я говорю правду. Странно, что ты не помнишь. Попробуй покопаться в памяти.

— И где мы встретились?

— В парке Лиртема. В центре города. Ты рассказала, что живешь далеко и приехала с дедушкой к родственникам. На тебе было милое светло-розовое платье с маленькими сердечками на подоле, а на голове красовалась диадема. Я сразу подумал, что именно так выглядят принцессы.

Кэти застывает и смотрит на меня со смесью искреннего удивления и недоверия.

— У меня было такое платье. Мое любимое. И диадема. Ты где-то нашел мои детские фотографии?

Я закатываю глаза.

— Покорить твое сердце оказалось в миллион раз сложнее, чем я предполагал.

— И что было дальше?

— Я хотел погулять с тобой. Но вернулся дедушка и забрал тебя, сказав, чтобы я держался подальше. Такие, как ты, не для меня.

— Он бы так не сказал. Он же тебя не знал.

— Но он сказал. Видимо, он знал мою семью и кто я такой.

— Не могу поверить. Наверное, я сплю. Или сошла с ума.

Кэти отворачивается от меня и зарывается в одеяло.

— Может быть, ты тоже ненастоящий и просто моя фантазия?

— Воображаемый друг? Не надейся, — смеюсь я.

— Я помнила тебя, но думала, что это было сном. Когда мы вернулись в Сантум, дедушка сказал, что никакой встречи в парке не было. Я поверила и ждала тебя во сне. Я рисовала твои глаза на первых картинах.

— Когда это было?

Она медлит.

— Первая картина? Не помню. Может быть, лет в десять или одиннадцать. Получается, дедушка опять соврал?

— Он хотел уберечь тебя, потому что сильно любил.

— То есть ты все помнил, когда я подошла к тебе в шестнадцать лет?

— Конечно, детка. Я два года искал твое имя.

— И намеренно игнорировал, делая вид, что не хочешь говорить со мной? Ты ведь даже угрожал и отталкивал от себя.

— Ненадолго мне показалось, что твой дедушка был прав. Но потом ты прилепилась ко мне, как пиявка, и я уже не мог контролировать то, что происходит между нами.

Она садится на колени, хватая медведя и с размаху опускает его на меня. Получается слегка больно.

— Что за страсть к насилию, принцесса? — недовольно отзываюсь я, отодвигая лохматую коричневую игрушку.

— У тебя отвратительно невыносимый характер.

— Возможно. Поэтому мне подходишь только ты.

Она снова пихает меня в бок, но задевает повязку и тут же гладит место удара.

— Прости, я не хотела, — Кэти затихает и ложится обратно, прислоняясь ко мне спиной.

— Моя душа готова взорваться от происходящего. Еще и твое откровение. Болит голова от того, как много я думаю обо всем этом.

— Я знаю один метод избавления от боли.

Получаю еще один легкий толчок локтем.

— Когда я увидела тебя во сне, то не смогла забыть. Надеялась, что мы обязательно найдем друг друга, и ты будешь моей вечной любовью. А потом встретила тебя в Лиртеме и влюбилась с первого взгляда. В реальности с тобой было лучше, чем в любой фантазии.

Последние слова тонут в тишине, и Кэти засыпает. Я смотрю на нее некоторое время, обнимаю и отключаюсь сам.

В эту ночь мне так хорошо рядом с ней и так свободно, будто мы смогли изменить судьбу и отыскали друг друга на самом краю вечности, вырвав единственный шанс на любовь и свободу.

ГЛАВА 3. Расстояние между нами

Ник

— Значит, все эти годы ты виделся с Кэти? — спрашивает Картер, прислоняясь к огромной сосне.

В Лиртеме нет снега, но прохлада и влажность неприятно воздействуют на мое настроение. Мы спрятали машины где-то среди развалин Южного района и теперь отсиживаемся в лесу, наблюдая за небольшой пристанью.

— Не совсем.

— Нет? Почему? Ты окончательно заабыюзил ее? — беззвучно смеется придурок.

Я показываю ему неприличный жест. Он выдал уже десяток вопросов, касающихся Кэти.

— Почему тебя это так интересует?

— Мы были друзьями. Мне всегда нравилась Кэти. Как друг, разумеется. Не смотри так, будто планируешь разделать меня на куски прямо в этом лесу.

— Тогда не задавай лишних вопросов.

— Видел вас вместе. Ну ты в курсе. Это было очень мило. Часто вспоминаю наши вечера в том сквере у обсерватории. Тогда казалось, что я иду на дно, но музыка и дружеское общение не давали захлебнуться в дерьме. В Альрентере у меня есть небольшая студия, где я балуюсь с гитарой и синтезатором.

— Надо же, — ехидно замечаю я. — Все Призраки такие романтично-ванильные?

— Я исключение из всех правил, ты же знаешь. Необходимо отвлекаться на что-то, чтобы не свихнуться.

Закатываю глаза.

— Так что насчет Кэти? Она вспоминает обо мне?

— Еще одна подобная фраза, и я вышибу твои куриные мозги этим пистолетом и развею их над рекой.

— Это будет не слишком приятно. А ты останешься без моей помощи. Попробую откопать что-нибудь по поводу ее родителей.

— Никто не должен знать о нашем разговоре.

— Я же Призрак Альрентера. Мы умеем хранить секреты. Не скажу никому, даже Доминику, — глумится он. — Ладно, остынь. Получается, что ее воспитывала тетя? Ее родная мама была замужем и носила другую фамилию?

— Неизвестно.

— А ее отец?

— Тоже никаких фактов. Возможно, он был одним из мятежников.

— Их дом сгорел в большом пожаре? Ей исполнилось шесть? Апрель две тысячи седьмого года?

— Да.

— Странно. Я изучал историю и происшествия, связанные с Альрентером за последние двадцать лет. Было несколько крупных покушений, но эта дата чиста. Где они жили?

— Не знаю. Она тоже не знает. Говорит, что видела смутные обрывки снов о том, что они часто переезжали.

— Ее похитили и держали где-то? Когда ты познакомился с ней?

— Ей было двенадцать, мне — тринадцать. На тот момент она уже жила с бабушкой в Сантуме.

— Значит, нас интересует промежуток времени между две тысячи седьмым и две тысячи тринадцатым? Думаешь, что с ней происходило что-то ужасное? — лицо Картера темнеет. Для

него не секрет, что дети пропадают не реже взрослых, и что за всем скрывается одно. Моя семья.

— Разве могло быть что-то хорошее, если она попала в лапы убийц? Кэти упомянула Марчен.

— Но как она выбралась? — скулы отчетливо выделяются на его лице, прибавляя возраст.

— Это меня тоже интересует.

— Бедная малышка. Понятно, почему ее психика сработала таким образом и заблокировала все воспоминания. Иначе этот ужас сожрал бы ее заживо.

Когда я думаю о маленькой Кэти, все внутри горит синим пламенем. Не хочу представлять плохое, не хочу подкармливать тревожные предположения. Желаю наказать всех причастных к ее страданиям и защитить ее. Всплывшая правда повергла меня в легкий шок. Я давно не испытывал подобного. Мне хочется знать о ней все. И я едва держусь, чтобы не бросить дела и не поехать к Кэти прямо сейчас, потому что беспокоюсь.

— Твои родственники настоящие монстры из ада во плоти. Не сосчитать, сколько семей и жизней они сломали.

Не отвечаю ему. Прекрасно знаю это сам.

— Долго еще мы будем сидеть здесь? Или ты специально привел меня сюда, чтобы поболтать?

— Угадал. Это мое задание на неделю, и мне было скучно. Засчитаю тебе пару бонусов в копилку. Считай, что это стажировка, — посмеивается Картер, настраивая бинокль. — Скоро прибудет корабль. Нам нужно сделать несколько снимков, а потом пробраться к месту погрузки. Когда я подам сигнал, мои ребята устроят небольшой фейерверк, а мы незаметно заберем несколько ящиков.

— Что за корабль?

— Предположительно, это люди Дезероса. Они предпочитают водный транспорт. Снаряжение выглядит как обычное торговое судно для перевозки рыбы.

Дезерос — это государство, расположенное на юге от нас. Все контакты с ними давно запрещены на общем Совете Вельрума.

Картер сужает глаза и подает знак ладонью. Мы продвигаемся ближе к берегу. Дурацкая игра в шпионов слегка поднадоела. Карт смотрит на наручные часы, отсчитывает что-то и отдает сигнал по рации. Через минуту раздается взрыв, а затем еще один. Слышатся крики паники.

Я следую за ним вдоль покореженного временем забора и ступаю на дощатый настил. Рядом вырастает охранник.

— Что за херня... — он хватается за оружие и смотрит на Карта, но я оглушаю его ударом по голове. Мужик издает булькающие звуки и валится на бок. Картер проскальзывает к будке на пирсе и вытаскивает оттуда небольшие коробки.

— Валим. Быстро, — командует он.

Я беру несколько ящиков и отступаю назад. Почти весь берег утопает в темном дыму, но где-то рядом раздаются недовольные голоса.

Прячемся в лесу и сваливаем оттуда через небольшой подземный тоннель.

— Отлично сработано, — произносит Картер, когда мы добираемся до его машины. — Из нас получается отличная команда. Почти как раньше. Ты, конечно, заносчивый богатенький придурок, который привык ставить себя выше других, но иногда мне это нравится. Твоя семья, наверно, даже не подозревает, как виртуозно ты играешь за их спинами.

В этом он прав. Они слегка недооценивают меня. Прохожу мимо него, толкаю плечом и бросаю дурацкий ящик в багажник.

— Поосторожней. Там могут быть лекарства. Или оружие. Благодаря тебе мы вычислили почти все тайные сделки Лиртема и Дезероса. Твоя семья заручилась поддержкой их воинов взамен на разные услуги. Это серьезное нарушение законов Вельрума. Мы отлично поработали. Поехали, угощу тебя неплохими напитками в вашем крысином округе.

— Старательность, с которой ты копаешь против своей семейки монстров, восхищает, — Картер отпивает безалкогольное пиво и просматривает стопку документов. Потом достает небольшой ноутбук и забирает у меня флешку, над которой работал Дилан. — Они допустили несколько осечек и спалили сделки с Дезеросом, нарушив кодекс Вельрума. Фэминг и Метрос замешаны в их махинациях. Когда Сантум и Рокада узнают об этом, то получают повод для игры по другим правилам. А Доминик придет в бешенство. И возможно, даже скажет тебе спасибо. Дезерос прославился беспринципностью и жестокостью. Они участвовали в подавлении восстания мятежников и ученых, которое произошло двадцать лет назад.

Мы сидим в небольшом сумрачном баре. Довольно неприметное место, но внутри много людей, занятых своими делами. Электронная музыка, нормальное обслуживание, приглушенный свет и никаких отвратительных запахов. Беру телефон и просматриваю чат с Кэти. Она молчит, как будто вчерашней ночи не было вовсе.

— Вывели еще одну часть твоих денег. Все рассредоточено по разным местам. Работаем незаметно, как и договаривались. Это небыстро.

Киваю. Я хочу обеспечить достойную жизнь себе и ей. Для начала нужно хотя бы найти безопасное место и надежный дом. Позже я разберусь с остальным. Среди Призраков Альрентера тоже полно продажных идиотов, а деньги открывают многие двери. Мне нужно просчитать все.

— Мы хотим знать дальнейшие планы Блэкмунда. Разрабатываем карту со всеми строящимися защитными сооружениями рядом с городами и неизвестными объектами.

Он отсоединяет экран от клавиатуры и двигает ко мне. Схема пестрит от разных отметок. Поражаюсь масштабам строительства.

— К чему они готовятся? — спрашиваю я, показывая на несколько точек.

— К небольшому противостоянию и изменениям в Вельруме. Ты же знаешь. Наверняка слышал что-нибудь в стенах своего дома.

— Проверяешь меня? — ухмыляюсь я. — Слышал. Они собираются изменить принцип управления Вельрумом. Сейчас страной руководит собрание, состоящее из советов шести округов. В каждом совете по семь человек от региона. Отец и его сестра планируют создать Верховный Совет, куда войдут только их приближенные. Будут решать все главные вопросы, а округам придется подчиняться, потому что основные ресурсы незаметно перейдут в руки моей семьи. Они контролируют все жизненно важные процессы. Остальные династии Вельрума потеряют влияние и власть. А ключевым козырем станет Ресуректон.

— Неплохо, — озадаченно протягивает Картер, потирая лоб. В его глазах скапливается больше усталости, чем обычно. — Рокада и Сантум уже приступили к укреплению стен между округами. Пока что удастся сохранить это втайне. Их династии намного древнее, и они никогда не признают власть твоей семьи. Надеюсь, что ты выяснишь все детали нового мира, который ждет всех нас.

— Я планирую свалить отсюда и залечь на дно прежде, чем начнет происходить какая-нибудь херня.

— Куда, например? Альрентер неплохой вариант.

— Знаешь что-нибудь про Инлемен?

— Инлемен? — присвистывает Картер. — Это наши соседи на Севере. Инлемен никогда не входил в состав Вельрума. Независимая территория со своими кланами и правилами.

Так себе местечко. Тебе не понравится. Холодно, снежно, как в ледяном мире. Их люди не церемонятся с гостями. Мы нечасто навещаемся туда, потому что их правители презирают почти всех, кто имеет хоть какое-то отношение к Вельруму. Даже в прошлом. Личная ненависть. Доминик — один из немногих, кто смог наладить с Инлеменом нормальный контакт. Иногда они помогают нам, иногда мы — им, но всегда соблюдаем дистанцию и границы. Это практически автономная область. Они с радостью скормят тебя каким-нибудь гиенам, которые обитают в горах.

— Я слышал разговоры в Марчене. Кто-то находил там убежище.

— При одном условии: если у них в роду были инлеменцы. Они трясутся над своими родословными не меньше твоей безумной семьи. Ник, я не шучу. Они тихо не любят Вельрум, потому что когда-то давно мы конкурировали в торговле и добыче драгоценных камней, но Блэкмунд и Лиртем там ненавидят всем сердцем. Около двадцати лет назад вы разрушили их города и устроили покушения на правящие династии. От Инлемена почти ничего не осталось, как и от Альрентера. Тебе там никогда не будут рады. Даже не думай, что найдешь союзников среди них. Они неуступчивым и жестки. Чем тебя не устраивает Альрентер и мое общество?

— Я соглашусь на твою идиотскую идею с Марченом только в одном случае, — ошечиваюсь я.

Ненавижу, когда мои планы рассыпаются в пыль, и собираюсь перепроверить его слова про Инлемен. Возможно, он ошибается или врет.

— Ну и?

— Пойду туда, если это будет единственный выход и если ты выполнишь одно главное условие: найдешь безопасное место для Кэти и сделаешь так, чтобы никто не отыскал ее там. Твои облезлые волки не должны даже смотреть в ее сторону.

— Хорошо.

— Хорошо и все?

— Я поступил бы точно так же на твоём месте, поэтому выложусь на полную, чтобы организовать все лучшим образом.

— Твои уродливые Призраки не должны приближаться к ней, — повторяю я. — Понял?

— Не все из них уродливы, — расплывается в любезной улыбке он.

— Уничтожу любого.

— Полегче. Тебе нужно повзрослеть, стать сдержаннее и спокойнее, обрести опоры и научиться контролировать эмоции. Девочкам быстро надоедают эмоциональные вспышки и качели. Когда они становятся старше, то тащатся по другим качествам. Поверь мне. Эта ерунда очаровывает лишь в подростковом возрасте.

С трудом сдерживаюсь, чтобы не врезать ему.

— Прошел курсы психологической помощи или что?

— Самоучка. Планирую написать диссертацию, когда выйду на пенсию, — откровенно ржет Картер. — Не бесись. Я часто зависал в компании Луны, а она любит подобные темы.

Он замолкает и погружается в себя. Я тоже окунаюсь в поток мыслей. Бесит, что его фразы задевают за живое, потому что в них есть доля правды. Я понимаю это, но не могу полностью изменить себя.

— Мне не дает покоя Марчен, — первым говорит он.

— Вы расшифровали что-нибудь после моего визита туда?

— Не слишком много. След оборвался в море. Вот тут. Но в этом месте ничего нет. Если верить найденным планам, в Марчене семь этажей и огромная территория. Мы проверяем Центры Ресуректона по всей стране, но пока ничего похожего. Где он находится? Может, в Зеркале есть зацепки или следы?

— Вряд ли. Это всего лишь парк взрослых развлечений, предназначенный для того, чтобы раскрасить скучную жизнь. Там полно всякого дерьма, но глупо строить его рядом с Марченом.

— Никто не знает наверняка. Как долго вы добираетесь до него?

— Лишен этой информации. Это не туристическая поездка в бизнес-классе с комфортными условиями.

— Впервые ты побывал там в одиннадцать лет? Тяжелое было детство, да?

— Твоя болтовня меня изрядно утомила.

— Выясни, над чем усердно трудится твоя семья в последнее время. Надеюсь, что увидимся скоро.

Встаю, бросаю деньги на стол и сваливаю.

Вожделение — мое лучшее средство для успокоения. Пока еду обратно в Лиртем, размышляю над словами Картера. Я знаю, над чем работают Изабелла и Виктор. Похищают людей, изучают их в своих лабораториях, перекачивают чужую энергию и создают эликсир долгой жизни. Это кажется невозможным, но у них уже много последователей.

Кровь Аномальных используют для создания лекарств и сывороток. Основное оборудование для опытов скрыто в недрах Марчена. В некоторых Центрах Блэкмунда проводят процедуры энергообмена, не слишком явно афишируя эту информацию. Большая часть испытуемых погибает.

Недавно Изабелла хвасталась излечением тяжелой болезни их партнера при помощи удачного эксперимента. Совпадение цветов Лирида позволяет найти наиболее подходящих доноров. Три девушки, которых использовали для восстановления какого-то старого хрыча, погибли.

Это похоже на донорство крови, но на более глобальном уровне. Они нашли то, что сканирует душу и определяет слабые места. Часть энергии души забирается у одних и питает других. Ресуректон — огромная тайная наука, которая быстро превратилась в оружие ада. Все должно было быть иначе.

Чем быстрее я приближаюсь к Лиртему, тем больше и отчетливее становятся противоречия внутри.

Впереди мелькают огни дома Камерона. Разгорающееся там веселье напоминает об очередной вечеринке, в которую меня не посвятили. Между нами углубляется холодная отстраненность, но сейчас мне все равно. Не хочу никого видеть.

Спокойно проезжаю мимо, но серый внедорожник внезапно преграждает путь. Джек сигналит, узнавая мою машину. Мысленно проклинаю все вокруг и выхожу навстречу им.

— Где ты пропадаешь? — недовольно спрашивает Джек. Позади него появляются Камерон и Брайан.

— Подальше от ваших тусовок. Не припомню приглашений.

— Сегодня здесь Гарри МакЛарен с приятелями, и нам не нужны новые кровавые драки, — сухо поясняет Камерон.

Брайан морщится, а я с радостью вспоминаю, как хорошенько отделал его.

— Тогда свалите с дороги и дайте проехать.

— В чем дело, Ник? Мы не хотим недосказанностей. После того, как погибла Нора Джулс, ты стал другим.

— Я? Это вы лезете на мою территорию. Я всегда говорил свое мнение вам в лицо, но могу повторить снова: вы не видите очевидных вещей. Верите во всякую херню, которую вам выдают за правду. Мне это не слишком интересно.

— Отбрось свое злопамятство. Мы всего лишь помогли Майклу найти тебя. Может быть, мы тоже переживали.

— Ну конечно. И как, крепко подружился с моим братом? — киваю Керону. — Решил стать союзником этой крысы, чтобы впечатлить отца? Удачи.

— А что насчет слухов о твоей свадьбе с Алисой? — перебивает Джек. — Планируешь молчать? Это немного неожиданно. После нового года ты как сквозь землю провалился. От тебя несет горячей яростью и ненавистью.

— Обязательно приглашу вас всех на незабываемую церемонию, — ехидно отзываюсь я и поворачиваю обратно к машине. — Убери тачку с дороги, или ей может потребоваться небольшой ремонт.

Контраст между мирами ощущается как красная полоса между черным и белым.

Джек разочарованно качает головой, в его глазах мелькает осуждение. Плевать. Он нехотя отгоняет машину на обочину, а я вжимаю педаль газа в пол, оставляя позади клубы дыма, скрежет шин и мою прошлую жизнь, которая стала пустой до отвращения.

ГЛАВА 4. Холодное касание страха

Кэти

Вдохновение придает мне сил. Я много рисую. Перемещаю чувства, цветущие в душе, на холсты, в блокноты и тетради. Иногда отрываюсь от реальности и растворяюсь в образах на картине. А потом ощущаю покой и безмятежность. Это позволяет не упасть духом и не исчезнуть в безумном мире. Это то, что сохраняет во мне жизнь.

А еще Ник. Мое сердце горит, когда я думаю о нем. Его слова проникли в разум и слились с моими мыслями. Его прикосновения просочились под кожу и кажутся чем-то необходимым. Я так хочу верить ему. Хочу верить в нашу любовь. Вера сохраняет огонь в моей душе. Без любви я задыхаюсь.

После того, как он ушел, мне снилось много снов. Везде мы были младше, и он всегда защищал меня, а я неосознанно тянулась к нему. Его объятия — лучшее место в мире.

С запоздалым ужасом понимаю, что даже чудовищная новость о его потенциальной будущей жене не уменьшила глубину моих чувств. Возможно, я выгляжу жалкой и глупой, но сердце нашептывает, что моя судьба связана только с ним. Я хочу быть сильной, хочу бороться за то, что люблю.

Но в то же время есть кое-что еще... это желание доказать Нику, доказать себе, что я могу существовать, дышать и наслаждаться жизнью, не оглядываясь лишь на него. Что он не оказывает на меня влияния больше, чем требуется. Не хочу вызывать жалость и быть зависимой.

Каждый день я с тонкой печалью замечаю, как он невозмутимо проходит мимо в коридорах Академии, посещает те же занятия, зависает с приятелями на парковке. И почти не обращает на меня внимания. Наши отношения — тайна, и в такие моменты связь между нами кажется иллюзией. Но хотела бы я, чтобы другие знали о нас? Нет. Точно не сейчас.

— Сегодня тебя ждут в патрульном участке для дачи показаний, — сухо объявляет Натали. — Опрашивают всех жителей. Происходит что-то кошмарное, а ты старательно притягиваешь к себе неприятности. Может, все-таки пояснишь, с кем провела новый год?

— С другом, — уклоняюсь от прямого ответа и делаю вид, что копаюсь в рюкзаке.

— Каким еще другом? — ее губы пренебрежительно кривятся.

— Мы знакомы давно.

— Не припомню такого.

— Ты его не знаешь.

— Какой-нибудь глупый, озабоченный оборванец? Возможно, даже хорошо, что теперь ты знаешь о судьбе женщины, которая родила тебя. Сделай правильные выводы и не совершай подобных ошибок.

Я — ошибка. Читаю это между строк, и грудь стягивает толстыми жгутами.

— Уже успела переспать с кем-то?

Стыд обрушивается на меня горячей волной. Не могу обсуждать настолько личные подробности.

— Вижу и так. Надо сказать Виктору, чтобы тебе назначили дополнительные анализы. Не хватало еще, чтобы ты подцепила какую-нибудь заразу.

Вылетаю из дома и не замечаю холодного пронизывающего ветра. Половину занятий съезживаюсь от мысли, что она действительно скажет Виктору. Я принимаю сторону Ника и больше не собираюсь посещать Центр. Они могут говорить и думать обо мне все, что угодно. Это моя жизнь, и я буду заботиться о себе.

Д: Побоедаем вместе? Я покормлю тебя чем-нибудь вкусным, а потом мы прогуляем остальные занятия.

Губы расплываются в глупой улыбке. Я опускаю голову и делаю вид, что увлечена важным конспектом, чтобы не привлечь внимание строгого преподавателя.

Д: Тебе правда нравится на этом курсе? Я почти заснул от его рассуждений о моральном идиотизме главного героя.

Кэти: Я люблю литературу. Присмотрись получше, и найдешь свое сходство с этим героем.

Кэти: Не могу поехать с тобой, потому что после обеда иду в патрульный участок.

Д: Черт, Кэти. Проигнируй. Не ходи.

Кэти: Ты же понимаешь, что это невозможно. Возникнет еще больше подозрений. Меня все равно найдут.

Он молчит долгое время. Оглядываюсь через плечо и натыкаюсь на его холодный, темный взгляд. Ник теперь присутствует практически на всех моих занятиях. Мне нравится ощущать его рядом.

Д: Будь осторожна. Там работает мой брат, и он так же чудовищен, как и вся моя семья. Не говори ему ничего важного, прикинься глупой. Скажи, что оказалась со мной случайно.

Кэти: Не беспокойся. Я понимаю, что никто не должен знать о нас.

Д: Напиши мне сразу, как выйдешь оттуда. Я хочу знать, что все в порядке.

Прикрываю глаза и отодвигаю телефон. Мне совсем не хочется давать показания, но другого выбора нет.

Ухожу после третьего занятия и направляюсь к патрульному участку в центре города. Как только переступаю порог, ощущаю гнетущую, тяжелую атмосферу. Молодой парень сопровождает меня по узким коридорам и стучит в дверь, на которой висит золотая табличка с именем «Майкл Мертенс». Ледяной озноб тут же сползает по спине.

Я неуверенно прохожу внутрь и застываю в просторном помещении с кучей шкафов. Стены украшены бесконечными благодарственными письмами и наградами. Маленькие пылинки витают в воздухе, пропитанном удушающими вопросами.

— Мисс Нейман? — слышится слегка скрипучий голос. — Пришло время познакомиться. Присаживайся.

Ноги каменеют. Я стараюсь сохранять спокойствие, но пристальный, сканирующий взгляд его брата раздевает меня и проникает под кожу. Мысленно закрываюсь от него и подхожу к креслу.

— Очередная одноразовая подружка моего брата, — картинно вздыхает он и насмешливо щурится. В коричневых глазах мелькает злоба. — Значит, ты все-таки совершеннолетняя. Выглядишь младше. Купилась на его заносчивые, самовлюбленные фразочки? Или он купил тебя деньгами, как и других?

Поднимаю взгляд и смотрю в неприятное, квадратное лицо. Мелкая дрожь атакует со всех сторон.

— Не понимаю, как эти вопросы связаны с произошедшим.

— Это небольшое вступление. Как ты познакомилась с Ником?

— Увидела в Академии. Не помню точно.

— И случайно оказалась с ним наедине за сотни километров отсюда?

— Мне хотелось отвлечься.

— Почему вы все так одинаково глупы?

Не отвечаю.

— Как часто происходили ваши встречи?

— Это было один раз.

— Неудивительно. Когда вы покинули город? Мне нужна четкая хронология всех событий.

Десятки вопросов летят в меня ядовитыми стрелами. Понимаю, что он использует уловки, давление и отвлеченные темы, чтобы запутать, незаметно подобраться ближе. Действует очень хитро и метко. Но я интуитивно предвижу каждый его следующий ход. Не говорю ничего, что могло бы вызвать излишне повышенный интерес, однако Майкл цепляется за разговор, как голодный коршун.

— Ты хорошо знала погибшую Нору Джулс?

— Нет, мы пересекались на занятиях по архитектуре.

— Архитектуре? У паршивого Торсена? Надо проверить его получше. Есть что-то необычное в его методах преподавания? Может быть, он рассказывает какие-нибудь странные вещи?

— Нет, я не замечала.

— У тебя тоже черный Лирид? Посещаешь терапию?

Киваю, умалчивая о своем решении приостановить лечение.

— В нашем мире всем нужны надежные союзники, — не спеша продолжает он и делает паузу. — Особенно таким, как вы. Ты ведь осознаешь свое положение? За аномальными всегда наблюдают очень внимательно. Любой подозрительный поступок может грозить временной или полной изоляцией.

Сердце клокочет где-то в горле, но я все так же изображаю хрупкое спокойствие. Если он почувствует место моей слабости, то сразу ударит по нему.

— Предлагаю тебе небольшое сотрудничество. Если вновь окажешься рядом с моим братом, то понаблюдай за ним. Запомни, что он делает, о чем думает, с кем общается, что говорит. Если сможешь добраться до его телефона или личных вещей, то поищи там что-нибудь интересное. Можешь использовать диктофон. Или подлови его на чем-нибудь в вашей переписке.

Расчетливая жестокость его слов просачивается сквозь кожу и подбирается к груди холодным облаком. Медленно осознаю смысл его предложения и застываю от неприятного потрясения.

— Мы почти не общаемся. Мне нечем вам помочь, — отвечаю я, когда тишина начинает давить на барабанные перепонки.

— Уверена?

— Да.

Он складывает руки на груди и недовольно подергивает плечами.

— Свободна.

Выхожу из здания в невесомой растерянности и с липким ощущением грязи. Хочется скорее принять душ. Мерзкий подтекст слов тянется следом. Скольким людям он предлагал следить за Ником? Кто-нибудь согласился? Это ужасно.

Ник очень отличается от брата, его энергетика другая. После двух личных столкновений с Майклом мне не по себе, хотя внешне он выглядит как привлекательный, интеллигентный и воспитанный молодой мужчина. Внутри него спрятана какая-то необъяснимая жуткая история. Что переживает Ник в своей семье? Что еще он скрывает? Мое сердце ноет от боли за него.

Пишу Нику, что все в порядке. Прихожу домой и забываюсь среди картин. Утопаю в мыслях до самого вечера.

— Катарина! — слышу окрик Натали. — Открой дверь.

Запикиваю холст и краски под кровать.

— Спускайся вниз, — без эмоций говорит она.

Что опять случилось? По ее лицу невозможно понять, в чем причина осуждающего взгляда.

В гостиной сидит Виктор Гринель, и это сразу воскрешает рой беспокойных подозрений. Останавливаюсь у подножия лестницы и цепляюсь за перила, будто могу потерять равновесие в любой момент.

— Спасибо за кофе, Натали. Привет, Кэти. Рад видеть тебя. Нам уже пора. Идем, ты едешь со мной.

— Куда? — сердце каменеет и колотится с оглушительным грохотом.

— В Радиант, куда же еще. Пора возобновить наши сеансы. Пришли новые результаты исследований, и там заметны неутешительные тенденции.

Я непонимающе смотрю на него, теряя уверенность. Ледяные нити обвиваются вокруг шеи. Внезапность визита сшибает с ног.

— Я не поеду. Плохо себя чувствую.

— Катарина, — вмешивается Натали. — Прекрати. Ты ведешь себя как пятилетний ребенок. Одевайся и иди за Виктором. Слышишь, что он говорит?

— Нет, я не поеду, — качаю головой и делаю шаг назад.

Виктор вздыхает и поднимается с дивана. Подходит ко мне, кладет тяжелую руку на плечи и слегка притягивает к себе.

— Я прохожу эти этапы со многими пациентами. Протесты случаются часто, — улыбается мужчина, но теперь сквозь разломы его добродушия проглядывает властная жестокость.

Он с усилием тянет меня за собой. Хочу вырваться, но Виктор настойчиво ведет к двери.

— Кэти, не заставляй меня настаивать на твоей госпитализации и присылать специальную бригаду. Ничего страшного не происходит. Я собираюсь посмотреть тебя на новом оборудовании. Ты ведь не хочешь добиться принудительной изоляции?

Я задыхаюсь, когда он накидывает на меня куртку. Страх вонзается острыми ледяными когтями прямо в заднюю часть шеи.

— Я никуда с вами не поеду, — стискиваю зубы и дергаюсь в сторону.

— Тише, Катарина, — Виктор обхватывает меня сзади и крепко держит.

Мне плохо. Отвратительно невыносимо до удушья и плывущих полос перед глазами.

— Натали, подай, пожалуйста, мою сумку.

Я бросаю умоляющий взгляд на Натали, но она даже не смотрит на меня. Словно все, что происходит — совершенно нормально. Словно я заслужила это. Виктор достает из сумки небольшой шприц. Я вырываюсь, но тонкая игла жалит мое предплечье.

— Сейчас тебе станет намного легче, — с приторной заботой произносит он.

А я исчезаю внутри собственного тела. Сознание вспышками ускользает от меня. Сил больше нет.

Мы выходим на улицу. Лучи солнца уже успели нырнуть за горизонт, в воздухе витает ночная прохлада. Меня ведь трясет из-за нее? Плохо различаю вопросы, которые задает Виктор, и почти все время молчу. Пока я тону в непонимании и шоке, машина Гринеля заезжает на закрытую парковку для сотрудников научного центра. С трудом прихожу в себя, когда рядом появляется незнакомая девушка в медицинском халате и маске. Она сопровождает нас до кабинета.

— Это моя помощница, Кендалл, — поясняет Виктор. — А это Кэти. Одна из моих лучших пациенток.

Кендалл скользит по мне равнодушным взглядом. Я сижу на жутко неудобном стуле в пустом, безликом помещении.

— Как ты себя чувствуешь, Кэти?

— Плохо. Отпустите меня домой.

— Потерпи немного. Мы занимаемся с тобой достаточно давно, — Виктор прокашливается. — Обычно этого времени достаточно, чтобы увидеть позитивную динамику, но последние исследования выявили новые темные пятна в твоём Лириде. Их общий процент увеличился и превысил половину.

Фокусирую зрение на его лице, которое внезапно кажется злее и опаснее.

— Ты ведь хорошо понимаешь, что это значит?

У меня еще есть время. До тех пор, пока затемнение не достигло семидесяти процентов. Успокаиваю себя всеми возможными способами, чтобы не разрыдаться от объемного и подавляющего страха.

— Я не хочу пугать тебя, но нам нужно пересмотреть некоторые аспекты лечения, сделать его чуть интенсивнее.

Слова Ника о целях терапии звучат в голове зловещим шепотом. Вспоминаю его, и комната слегка расплывается от подступающих слез. Я хочу к нему. В этом невыносимо холодном месте я четко ощущаю, что его объятия — это единственное место в мире, где я хочу быть.

— Оставь вещи и верхнюю одежду в этой комнате и идем за нами.

— Никаких телефонов. И заberi волосы в хвост, — распоряжается Кендалл.

Они смотрят на меня и ждут, как безжалостные хищники, загнавшие добычу в ловушку. Я снимаю куртку и понуро иду следом. Тело до сих пор ощущается ватным и тяжелым.

Переходы и спуски сливаются между собой, узкая коробка лифта долго везет нас вниз к подземным этажам. Гринель прикладывает пластиковую карту к дисплею, и створки бесшумно распахиваются. Мы оказываемся в плохо освещенном квадратном помещении, из которого лучами расходятся небольшие коридоры. Поворачиваем в один из них. Мне не нравится здесь. Напоминает место, в котором я и Ник оказались после пожара.

Виктор щелкает выключателем, и в кабинете перед нами вспыхивает слишком яркий, неживой свет. Он режет глаза и вызывает слезы.

— Садись сюда, — говорит Кендалл. Ее глаза черны и неуступчивы.

Проглатывая неприятный осадок от ее недружелюбного тона, я останавливаюсь около высокой кушетки.

— Я плохо себя чувствую.

Виктор качает головой, подходит ближе и давит на плечи, заставляя сесть.

— Кэти, меня беспокоит твоя ложь. Мозг придумывает уловки, позволяющие избежать лечения. Сегодня нам нужно проверить твою реакцию на новые процедуры и сыворотки, — поясняет мужчина. — Закрой глаза, расслабься. Дыши глубже.

Мое дыхание становится поверхностным из-за жуткой и быстро растущей тревоги.

— Ее пульс повышен.

— Сейчас мы сделаем еще один укол. Полежи немного.

Мысли путаются в отравленных сетях волнения. Мне хочется убежать, исчезнуть, проснуться в другом месте. Гринель продолжает рассказывать что-то о возможностях прогрессивного лечения, но мой разум заползает в раковину. Я должна быть смелее.

Несколько щелчков раздаются в безмолвии, как громкие выстрелы в тихой ночи. Распахиваю глаза и пытаюсь сесть, но это невозможно.

— Что...

— Сохраняй спокойствие. Это правила безопасности, которые оговорены в договоре.

Воздух собирается в легких. Я не могу выдохнуть. Специальные ремни крепко фиксируют мое тело в горизонтальном положении. Я сразу возвращаюсь на много лет назад, и немой крик рвется наружу.

— Ты слишком эмоциональна. Мы проводим стандартную процедуру из протокола второго уровня лечения, — доносится издалека. — Сначала будет немного неприятно.

Веки печет. Кендалл ставит мне капельницу, после которой тошнота подкатывает к горлу. Я медленно теряю связь с окружающим миром. Тревожные мысли по-прежнему нарастают и пульсируют в голове. Чувствую, как на мое тело прилепляют несколько плоских датчиков. По коже будто текут волны тока и окутывают неприятным жжением. Мышцы превращаются в бесформенную вату.

Как со стороны наблюдаю, что меня перемещают внутрь огромного аппарата и подсоединяют что-то к груди. Тело раскаляется, а кровь закипает и поджигает изнутри. словно нечто

чужое проникает в душу и лишает сил. Становится невыносимо страшно. Мне не хватает воздуха, а ужас мелькает в голове черными вспышками. Пелена застилает зрение.

Я заперта в темноте, и спасительный мираж вспыхивает ярким огнем.

Мне шестнадцать. В домике на озере прохладно, снаружи моросит мелкий дождь. Я расстроена из-за ссор дома. Моя голова покоится на его коленях. Ник перебирает пряди моих волос и молчит. Мне хочется продлить этот момент как можно дольше. Со мной все хорошо, когда он рядом.

На мгновение мне нравится навалившаяся пустота, потому что она безопасна. Незнакомый голос прорывается сквозь туман видений и выдергивает из забытья. Каждый звук царапает голову заржавелым лезвием. Кто-то хлопает меня по щекам.

Первое, что я ощущаю с ошеломляющей яркостью — это боль. Стягивающая виски головная боль. Худощавый мужчина стоит рядом с Гринелем и с ядовитым интересом рассматривает меня.

— Блондинка? Очень хорошо, — тянет незнакомец, и его голос похож на эхо в тоннеле. Мне все так же холодно, а дрожь бьет изнутри.

— Мы доставили ее в срок. Успели провести обследование сегодня, пока здесь есть все необходимое для этого. Анализы крови отправлены в лабораторию. Затемнение перевалило за половину и стабилизировалось.

— Сколько девчонке лет?

— Девятнадцать. Есть незначительные проблемы, но в целом все очень хорошо.

— Пробовали использовать ее образец на ком-то?

— Еще нет.

— Нужно закончить сбор информации как можно быстрее. Рассортируйте всех, кто вызывает проблемы.

— Осталось не так много.

Я задерживаю дыхание.

— Она выглядит слабовато. Мерцающий золотисто-розовый браслет? Недурно. Приведите ее ко мне на следующей неделе. И начните работу со всеми узорами Лиридов.

Пытаюсь пошевелиться, но каждое движение дается с огромным трудом. Мысли заплетаются. Темнота под веками раскачивается, как при катании на качелях. И я вновь падаю в черный тоннель.

Слышатся удаляющиеся шаги. Голоса стихают. Некоторое время я лежу с закрытыми глазами, прячась от мира. Не замечаю, как рядом вновь оказывается Виктор. Вздрагиваю и не сразу понимаю, где нахожусь.

— Постарайся сесть. В начале всегда сложно. Хочешь пить?

Все кружится, разум плавится. Во рту ужасно сухо, язык печет от желания сделать глоток прохладной воды, но я превращаюсь в клубок противоречий и отказываюсь.

Виктор помогает добраться до кабинета наверху, где я оставила вещи.

Нужно скорее бежать отсюда.

Спотыкаюсь несколько раз, но мужчина придерживает меня за плечи. Хочу оказаться в безопасном месте, задушить эмоции и провалиться в сон. Долго рыдать и сгорать от жалости к себе.

— Ты слишком бледная. У тебя плохая физическая выносливость. Но бояться нечего. Мы заботимся о всех.

Сажусь на небольшой диван в холле, пока ноги мелко дрожат и не держат меня. Вокруг развешены безобидные, красочные плакаты о проекте «Ресуректон». Где-то вдалеке звенит телефон. Все кажется таким обычным, обманчиво мирным, настоящим. Но внутри меня бушует пламя, сжигающее иллюзии.

— Не делай резких движений, — говорит Виктор, подходя ближе. — Ты некоторое время пробыла без сознания. Так бывает. Ничего страшного.

Не могу говорить. Приступ паники прокладывает полосы дрожи на коже. Уворачиваюсь от чужих рук. От резких поворотов головы очертания холла плывут. Мне хочется кричать во весь голос, но губы слиплись и онемели.

— Я отвезу тебя домой.

Его присутствие вселяет леденящий ужас. Я мотаю головой, ища взглядом других людей. Нормальных. Способных помочь.

— Катарина. Ты слаба. Уже поздно. Я помогу тебе.

Прикрываю глаза и собираю все оставшиеся, зыбкие силы.

— Я позвоню кому-нибудь из друзей, — голос шелестит так тихо, что я сама плохо различаю звуки.

Руки трясутся, когда я тянусь к карману куртки. Телефон должен быть там. Пожалуйста, пусть он будет там. Сердце ускоряется и отзывается тонкой болью. Пальцы замирают на безликом номере с буквой «Д». Слезы подступают к глазам, и я нажимаю кнопку. Гудки тянутся мучительно долго, их заунывный гул окутывает сердце безысходностью.

— Ты так соскучилась по мне, что решила позвонить почти в полночь? Вообще-то я тоже звонил, но снова столкнулся с безобразным игнором.

Я моргаю, ощущая одновременно облегчение и тяжесть в груди.

— Кэти?

— Ник, я..., — зря называю его по имени и поздно понимаю ошибку.

Натыкаюсь на тяжелый взгляд Виктора и сильнее сжимаю телефон.

— Что с тобой? — ленивое самодовольство мгновенно исчезает из его голоса.

— Ты не мог бы... приехать за мной?

— Где ты?

Напрягаю мысли до болезненных прострелов в висках.

— В Радианте.

— Почему ты снова там? Что случилось? Кэти, не молчи. Я еду.

— Ты мне нужен, — выдавливаю я.

— Я недалеко. Хочешь, чтобы я поговорил с тобой?

Хочу. Очень хочу. Но Виктор делает шаг ко мне, и новый приступ удушья сдавливает легкие.

— Приезжай быстрее, ладно? — отключаю телефон, прячу его в карман куртки и обхватываю себя руками.

— Я беспокоюсь, Кэти, — Виктор останавливается так близко, что я ощущаю его давящую ауру. — Я в ответе за тебя.

Нечеткие воспоминания вспыхивают огоньками в темноте. Натали и он. Все так странно и подозрительно. Сажу тихо, закрываю глаза и отсчитываю минуты, боясь пошевелиться. Иногда время течет невыносимо медленно.

Наверное, я отключаюсь. Потому что крепкие, теплые объятия заставляют меня вздрогнуть. Поднимаю голову и растворяюсь в синеве глаз. Ник всматривается в мое лицо, а потом переводит взгляд куда-то в сторону. Мне хочется ухватиться за этот момент, хочется видеть в его расширенных зрачках свое крошечное отражение.

— Смотри на меня, детка, — тихо просит он, накидывая куртку мне на плечи.

Я просовываю руки в рукава, и он застегивает молнию. Ник поднимает меня, и я прижимаюсь щекой к его шее. Его запах дарит спокойствие.

Виктор стоит поодаль и с неодобрением следит за нами. Он расскажет кому-то об этом? Дурное предчувствие течет по телу зловещей смесью. Замечаю враждебный взгляд Ника, наполненный едким отвращением и ненавистью. Но никто не произносит ни слова.

Пока Ник несет меня к машине, преследующий ужас медленно отступает прочь. Я ныряю в невесомость времени, и жестокий внешний мир исчезает, превращается в облако, растворяющееся в лучах любви.

Устраиваюсь на пассажирском месте и ловлю его пристальный взгляд. Дыхание замедляется. Непозволительная близость обжигает кожу. Веер темных ресниц придает дополнительное очарование его красивому лицу. Рассматриваю небольшой шрам, белеющий чуть выше уха, почти под волосами. Протягиваю руку и мягко провожу по нему пальцами.

Ник заканчивает возиться с моим ремнем безопасности и резко отстраняется. Его эмоции нечитаемы. Он достает бутылку воды и заставляет сделать несколько глотков. Горло першит, и я кашляю. Ник отодвигается и сжимает пластик в руке с противным хлопающим звуком.

— Как ты там оказалась?

— Виктор приехал к нам домой и забрал меня, — слова путаются, и я с трудом выстраиваю фразы.

— Что происходило?

— Не знаю. Не понимаю. Они говорили о новом этапе лечения. Затемнение превысило половину. С ним были другие люди. Девушка и молодой мужчина. Я слышала что-то про сбор образцов крови и испытания. Они считают нас угрозой...

Откровения забирают последние силы. Мне хочется спать. Сменяющие друг друга волны озноба и жара терзают тело, пока я проваливаюсь в глубокую яму.

Вздрагиваю от внезапно повисшей тишины. Двигатель машины больше не издает плавного рокота. Сколько времени прошло? Разлепляю глаза и поворачиваю голову в сторону водительского кресла. Мои мышцы затекли и отяжелели, словно я весь день испытывала себя бегом на выносливость. Ник гасит свет в машине, приборная панель больше не отбрасывает бликов на наши лица.

— Где мы?

— В Блэке. В отеле.

Я неловко выпрямляюсь, держась рукой за сидение. Блэк — столица округа, но я редко бывала здесь.

— Тебе нужно поспать. А утром нас ждут дела, — его черный взгляд прожигает насквозь.

— Спасибо, — тихо благодарю я.

Маленькие движения превращаются в сплошную череду подвигов. Ник выбирается наружу, хлопая дверью. Спустя несколько секунд он оказывается рядом со мной и помогает выйти из машины, придерживая за талию.

— Я могу сама, — мой голос звучит слабо.

Ник включает сигнализацию, поднимает меня на руки и несет в сторону высокого здания в современном стиле.

Часть разума, борющаяся с вязким пленом тумана, кричит, что нам почему-то нужно остановиться. Мне необходимо убедить его в этом. Интуиция подсказывает, что мы достигли еще одной критичной точки невозврата.

Но я не могу. Быть с ним — это все, чего я хочу.

В просторном номере вспыхивает приглушенный свет. Сажусь на мягкий пуф, пока Ник стаскивает с меня кроссовки и куртку. Его взгляд становится все темнее.

Ник молчит и не отпускает меня ни на секунду, даже когда мы оказываемся на большой, мягкой кровати. Прохладная ткань дарит приятное спокойствие. Слабо ощущаю, как с меня снимают толстовку и джинсы, а потом накрывают одеялом. Мне тепло и уютно. Под веками расплываются ажурные узоры, и я хочу попросить Ника не говорить никому о случившемся, но не могу разомкнуть губы. Подчиняюсь усталости, шоку, отрицанию, глыбой утягивающими из реальности, и ускользаю в сон, пряча лицо у Ника на плече.

ГЛАВА 5. Верный путь

Кэти

Утром мы стоим в светлом холле больницы Блэка. Я нервно переступаю с ноги на ногу и с подозрением разглядываю обстановку. Ник просит медсестру у административной стойки проводить нас к некой миссис Брукс. Девушка кокетливо улыбается и говорит, что не может выполнить его просьбу, но потом сдается под чарами темного обаяния. Мне неловко, и я отстраняюсь от Ника. Он быстро притягивает меня обратно к себе. За утро мы проронили всего несколько слов.

Мы поднимаемся на лифте, и страх вновь обвивает грудь. Я с детства боюсь больниц и стараюсь избегать их. Сеансы в Центрах ухудшили ситуацию. Вспоминаю вчерашнюю кошмарную процедуру и покрываюсь капельками холодного пота.

Миссис Шейлин Брукс занимает должность главного врача первой клиники Блэка. Ее кабинет расположен на последнем этаже.

— Зачем мы пришли сюда? — шепчу я, подавляя порыв к бегству.

Ник сжимает мою ладонь. Всю ночь он крепко обнимал меня и долго целовал. Сейчас на его лице застыла маска жесткой обеспокоенности.

— Ты в безопасности, — чувствуя мой страх, произносит он и смотрит в глаза.

Прямой контакт взглядов немного успокаивает мою душу, и я следую за ним.

Шейлин Брукс оказывается красивой, ухоженной женщиной с вьющимися каштановыми волосами и добрыми глазами, спрятанными за модными очками в кошачьей оправе. На вид ей около сорока лет. Стройная изящная фигура и модная одежда делают ее моложе.

— Ник? — искреннее удивление мелькает на серьезном лице. Она отодвигает стопку бумаг, закрывает ноутбук и встает, кивая в знак приветствия. А потом замечает меня и медленно осматривает с ног до головы. — Неожиданная встреча. Проходите. Чай или кофе?

— Ничего не нужно.

Кто она такая? Она смотрит на него так, будто знает давно. Они ведь не... проглатываю распухший ком ревности и чувствую, как румянец приливает к щекам.

— Милая, как тебя зовут? — уголки ее губ слегка приподнимаются, когда женщина снова переводит внимание на меня. — Я Шейлин. Управляю этой медицинской обителью и всеми врачебными делами округа.

— Ее зовут Кэти, — Ник опережает меня.

Мы садимся в кресла напротив стола, и я вспоминаю разные дыхательные техники, чтобы скрыть нарастающее волнение.

— Ты не слишком частый гость здесь. Случилось что-то серьезное?

— Мне нужно официальное заключение о приостановке терапии. Для нее. Чтобы никто не докопался.

Лицо Шейлин темнеет. Она делает глубокий вдох и складывает руки на груди.

— Ты проходишь терапию? — женщина сканирует меня еще тщательнее. Я киваю. — В каком из Центров?

— Радиант. В Лиртеме.

— Кто твой куратор?

— Виктор Гринель, — мой голос спотыкается о ненавистное имя, потому что я вспоминаю события вечера.

Отчаяние опалает сердце горячим паром. Шейлин качает головой и смотрит вдаль.

— Мне хотелось бы осмотреть тебя, Кэти.

Испуг проносится по телу огненной бурей. Я вдавливаюсь в кресло и не могу посмотреть на нее.

— Обойдемся без этого, — отрезает Ник. — Она и так напугана.

— Мне нужно указать весомую причину для замедления терапии. Это не так легко, как ты думаешь. Мы стараемся не привлекать к себе ненужного внимания и вмешиваемся в исключительных случаях. Ты же знаешь все сам.

Она встает, накидывает на плечи голубой халат и вытаскивает из сейфа связку ключей.

— Идемте за мной.

Ник нехотя поднимается на ноги, обнимает меня за плечи и наклоняет голову.

— Со мной ты в безопасности, — приглушенно повторяет он.

Я держусь за его ладонь, пока мы идем по коридорам в сторону служебного лифта, который выглядит слегка странно и не слишком современно. Вся обстановка ужасно напоминает Радиант, и неприятные образы буквально плывут перед глазами.

— Это секретный этаж, — поясняет Шейлин, прикладывая пропуск к панели лифта.

Искусственное освещение давит на глаза и вызывает легкую тошноту. Мы заходим в одно из помещений, где расположено много приборов и аппаратов.

— Мы в лаборатории, — продолжает женщина, обращаясь больше ко мне, чем к Нику. — Не бойся, Кэти. Я не собираюсь причинять тебе боль. Нужно провести небольшие исследования.

Я не боюсь. Я на грани панического удушья, но не хочу снова казаться слабой. Рядом со мной Ник. Он ведь не допустит ничего ужасного?

— Выпей это.

Беру из ее рук небольшой пластиковый стаканчик. Жидкость похожа на терпкий чай.

Спустя несколько минут мои глаза начинают закрываться, а сердце, наоборот, разгоняется и переворачивается в груди. Я цепляюсь за толстовку Ника, пока контуры помещения размазываются, как разбавленные водой краски в палитре.

— Все хорошо, принцесса. Все хорошо, — Ник мягко целует меня в лоб, а потом опускает на жесткую поверхность.

Его объятия — это последнее, что я помню. А его голос — первое, что слышу, когда сознание прорывается назад сквозь белый шум.

— Кэти? — он приподнимает меня за плечи и заставляет сделать несколько глотков воды.

Я с трудом разлепляю глаза и вижу незнакомые устройства, окружающие нас. Шейлин сидит напротив, уставившись в огромный монитор.

— Ей давали новую экспериментальную сыворотку, — произносит она, слегка нахмурившись. — Скорее всего, дозы препарата превышают норму тела. Возможно, ее уже подключали к Передатчику, но без активных экспериментов. Яркость Лирида снижена, но постепенно восстанавливается самостоятельно. Я ввела наше лекарство, чтобы облегчить процесс. Никаких подкожных датчиков и других вмешательств, к счастью, не обнаружено. У нее анемия, и я укажу это в медицинском заключении для приостановки терапии.

Слова звучат глухо, как будто я лежу на дне колодца и слушаю разговор стоящих наверху.

— Ник, ты же знаешь, что в последнее время нам становится все сложнее влиять на это. Пока что Рокада сохраняет контроль над страной и всеми больницами, поэтому мы можем частично вмешиваться в деятельность Ресуректона. Но никто не знает, что будет завтра.

— Я в курсе. Спасибо за помощь, — сухо отвечает он.

Я ощущаю его тепло и чувствую себя лучше.

— Подожди. Пусть она немного придет в себя. Вы можете побыть здесь. Это безопасно, — Шейлин понижает голос. — Я нашла ее имя в базе данных. Опасайтесь Гринеля. У нее необычный Лирид, потому что в нем очень яркое мерцание, которое распространено по всей поверхности кристалла. Обычно это происходит, когда доля черного цвета становится больше. И там всего два оттенка. Черный и золотисто-розовый.

— И что?

— Полное мерцание символизирует детей, родившихся в пламенных парах. Там, где мужчина и женщина образовали союз истинной любви. Их судьбы были связаны особым образом на протяжении многих воплощений, и узор этих связей мы обнаруживаем в Лиридах. Мерцание проявляется не у всех детей. Возможно, оба ее родителя обладали Аномалией. Золотисто-розовый цвет встречается очень редко. Его считают наследием Инлемена и источником тех сил, которые возникли в момент зарождения жизни в Вельруме. Этот цвет называли символом... небес, и появляется он только у девочек. Говорят, раньше это случалось чаще. Поэтому в ее Лириде нет намеков на другие оттенки.

— В моем Лириде тоже не слишком большой выбор цветов, — усмехается Ник.

Не понимаю. Я видела там, как минимум, три. Это считается нормальным сочетанием.

Шейлин замолкает и погружается в раздумья.

— Твой случай тоже необычен. Почти уникально.

Я крепче сжимаю его ладонь. Сердце горестно дрожит. Услышанное подогревает лишнее переживания, потому что уникальность впечатляет лишь тогда, когда речь идет о чем-то абстрактном и далеком. Мысли вращаются быстрее. Ник успокаивающе поглаживает мое запястье большим пальцем.

— Ей лучше скрыться где-нибудь.

— Я знаю это сам.

— Будьте осторожны. Мы готовимся к разным вариантам будущего, и все они не слишком радостные. В Рокаде считают, что твоя семья затевает нечто действительно плохое. С каждым днем становится больше тревожных разговоров.

Шорох ее шагов растворяется в убаюкивающей тишине, и я снова закрываю глаза. Ник заставляет меня сесть.

— Эти, я не хочу задерживаться здесь. Не слишком приятные ассоциации.

У меня слегка кружится голова. Я аккуратно держусь за Ника и рассматриваю кабинет, заполненный необычным современным оборудованием. Как будто мы оказались в сценарии с фантастическими декорациями. Медленно поднимаюсь и иду за ним. Шейлин работает в соседнем помещении. Увидев нас, она тепло улыбается, встает и направляется в холл, чтобы разблокировать доступ к лифтам.

— Берегите себя, — напоследок произносит женщина. — Ник, помни, что всегда можешь обратиться ко мне.

Сотни вопросов гложут разум, пока мы идем к машине. Ник поразительно молчалив и привычно мрачен.

— Ты выкурил уже две сигареты подряд, — я сужаю глаза, когда он тянется к третьей.

— Ты снова разговариваешь. Наконец-то, — выдыхает Ник. — Я был готов отдать все на свете, чтобы вновь услышать твой капризный голос. Когда я приехал за тобой, ты была не похожа на себя и в то же время выглядела точно так же, как в моих детских воспоминаниях. И ты снова ужасно напугала меня.

Опускаю взгляд. Ник выкидывает сигарету, подходит ко мне и прижимает к автомобилю.

— Все хорошо? — его дыхание мягко ласкает мое лицо.

Сердце плавится и затапливает грудь пронзительной нежностью. Я киваю. Его губы касаются моих в долгом, требовательном поцелуе, который стирает мрак последних дней. Обнимаю Ника и не хочу отпускать. Мы оба неровно дышим и зависаем в странном оцепенении. Кажется, что за один день мир стал другим. По крайней мере, для меня точно.

Ник открывает дверь машины. Сажусь и понимаю, что его присутствие заменяет самую прочную броню, в которой я всегда нуждалась.

— Куда мы едем?

— Я голоден. Ночь выдалась тяжелой.

— Прости, — виновато опускаю голову и вдыхаю легкий аромат, витающий в воздухе. Смесь мяты, ванили и морского ветра. — Я не хотела доставлять тебе новых проблем. Но ты — единственный, кому я могла позвонить.

— Кэти, — почти рычит он, не скрывая раздражения. — Никогда не извиняйся передо мной за это. Ты должна звонить мне всегда, если чувствуешь себя не в порядке или в опасности. И ты — не моя проблема. Ты — моя награда.

Жар поджигает тело. От признаний сердце трепещет так сильно, что становится трудно дышать.

— Пообещай, что никогда не скроешь от меня все те чувства и мысли, которые причиняют тебе боль.

Молчу и тереблю замок на куртке. Если я выпущу всю свою боль, то она затопит нас обоих.

— Кэти? — требовательно произносит он.

— Хорошо, — соглашаюсь я и поднимаю глаза, снова любясь его красивым профилем. — Тогда пообещай и ты, что откроешь мне то, что душит тебя изнутри.

Чувственные губы изгибаются в мрачной ухмылке.

— Не обязательно рассказывать все сразу, — добавляю тише. — Я не собираюсь выпытывать все тайны и не хочу лезть в душу, чтобы утолить любопытство. Ты можешь поделиться со мной всем, что тревожит, и всем, что делает счастливее. Так я буду чувствовать нашу связь сильнее. И, возможно, тебе станет чуточку легче.

— Из тебя получится самый милый манипулятор во вселенной.

Мятежная синева его глаз дурманит меня, и я отворачиваюсь к окну, наблюдая как серые, тяжелые облака медленно расползаются в стороны, пропуская тусклые солнечные лучи.

— Здесь нельзя парковаться, — замечаю я, когда он останавливает автомобиль на газоне в одном из переулков.

— Кому-то может и нельзя, — высокомерно отзывается Ник в привычной манере и беспечно выходит из машины.

Я следую за ним. Ритм жизни Блэка еще быстрее, чем в Рейне. Людей слишком много.

Тротуар, вымощенный брусчаткой, упирается в кирпичную стену небольшого ресторана. Видимо, Ник не впервые в этом месте. Мы проходим внутрь тихого зала и занимаем столик в самом углу, подальше от людей. Здесь совсем тихо, спокойно, как будто бурлящая жизнь улицы отделена невидимой завесой.

— Готовы сделать заказ? — от неожиданности я вздрагиваю, переводя взгляд на симпатичную официантку.

Да, определенно, Ник здесь не впервые. Девушка внимательно смотрит на него и улыбается. Он что-то отвечает, и она нехотя поворачивается ко мне, нетерпеливо постукивая пальцем по планшету. Я выбираю стандартный завтрак, заменяя кофе на какао. Ник что-то печатает в телефоне. Прядь темных волос падает на лоб. Мне хочется дотронуться до них, как я часто делала в прошлом.

— Я редко бывала в Блэке, — признаюсь, поддаваясь внутреннему порыву откровений. Ник поднимает глаза. — Мир всегда пугал меня, и только в Рейне и Амасоре я чувствовала себя как дома.

— Страх бывает полезен, — он откидывается назад, крутя в руке зажигалку. Без надменно-высокомерного выражения Ник не похож на обычную версию себя. Он кажется почти умиротворенным, взрослым и... нормальным. — Иногда страх помогает выжить.

— Чего боишься ты? — спрашиваю я, удерживая его взгляд.

— Потерять то, что по-настоящему дорого. Открыть глаза и осознать, что этого больше нет рядом со мной. Осознать, что я остался один во тьме навечно.

Я понимаю, потому что знаю, как невыносима боль потери. *Больше всего я боюсь потерять его.*

Рыжеволосая девушка приносит нашу еду, разбивая хрупкий момент искренности. Устало тру глаза, двигая к себе большую кружку с какао.

— Будете что-нибудь еще?

Я отрицательно мотаю головой, отламывая от круассана маленький кусочек. Ник не утруждает себя ответом. Девушка жадно скользит по нему взглядом, наклоняется чуть ниже, чем это необходимо, и что-то быстро говорит. Ее совсем не волнует, что Ник здесь не один? Неприятное чувство просверливает грудь, словно укус ядовитой змеи. Я успеваю заметить, как ее ловкие пальцы просовывают клочок свернутой бумаги в карман его куртки. Болезненное напоминание о различиях между нами наполняет сливочный вкус теста горечью. С грустью подмечаю, что я не умею бороться за чье-то внимание. Сразу чувствую себя ненужной и исчезаю. Но почти всегда и везде выигрывают сильнейшие — те, кто не боятся борьбы.

Ник осаждаст ее резким, холодным взглядом, а потом выкидывает скомканную бумажку. Девушка удаляется, а его внимание прожигает меня.

— Вижу, как в твоих глазах тлеют ненужные обиды.

Я смотрю в окно и качаю головой.

— Тебе показалось.

— Ты ревнуешь. И это... приятно, — его губы растягиваются в ленивой усмешке, которая наполнена мрачным обаянием.

— Ты не слишком обходителен с девушками. Часто ведешь себя грубо и играешь на чужих эмоциях.

— Если они того заслуживают.

— Я тоже заслуживаю твоей жестокости?

— Для меня ты всегда будешь другой. Не похожей на всех. Мое отношение к тебе не терпит сравнений.

— И в чем же разница?

— Ты прекрасно знаешь, в чем, — его глаза сужаются, приобретая более темный оттенок. Напряженная челюсть выдает разгорающееся недовольство. — Ты не одна из них. Ты создана для меня, и я готов терпеть твой гордый и слегка вредный характер, хоть это и очень тяжело. Но ничего не поделаешь. Вряд ли получится перевоспитать тебя.

Комкаю салфетку и кидаю в него. Ник расслабляется и смеется с искренним теплом. Мальчишеская развязность Ника становится привычной обыденностью, как и наши встречи. И это немного... пугает. Будто картинки двух разных, несовместимых миров накладываются друг на друга, создавая новое будущее. Сможем ли мы остаться вместе навсегда? Есть ли у нас шанс спастись? Я думаю так много, что голова наливается чугуной тяжестью.

Иногда в Лурке мне казалось, что мы больше никогда не встретимся. И от этой мысли моя душа скручивалась узлами и кровоточила. Я представляла жалкое будущее: долгие дни, месяцы, годы без надежды на мимолетную встречу. *Надежда.* Надежда всегда жила внутри. Бесконтрольная, необъяснимая, пламенная. Обычно люди знают, чего они втайне желают. А чего хочу я? Все мои чувства и мечты всегда возвращались к Нику.

Возможно, магия жизни состоит в том, чтобы мы могли иногда взглянуть на себя изда- лека, с высоты полета невозможных желаний. Я не совсем понимаю, кто я. Но могу попробовать приблизить свою судьбу к заветному счастью.

— Тебе нужно хорошо поесть, — его голос звучит как непоколебимый приказ.

Отпиваю какао с потрясающе приятным шоколадным вкусом и двигаю тарелку с омле- том, креветками и салатом из свежих овощей.

— Что мне теперь делать? — набираюсь смелости и перевожу тему разговора, озвучивая самые тревожные мысли.

— У тебя есть заключение для временной приостановки терапии. Формально Рокада контролирует все процессы в Вельруме, и моя семья этим крайне недовольна. Рокада и Сантум не могут вмешиваться часто, но иногда делают это. Гринель будет разозлен, но ему придется подчиниться. Пока что. Никто не сможет привлечь тебя к ответственности, потому что есть официальный документ.

— А дальше?

— Я говорил тебе. Мне нужно несколько месяцев, чтобы подумать над будущим. Мы сбежим.

— Он видел нас вдвоем, — опускаю глаза и мгновенно теряю аппетит. — И он обязательно расскажет Натали.

— Не слишком приятно. Но мы это переживем.

— А если пойдут слухи? И узнает кто-нибудь еще?

— Неважно. Уже ничего не изменить.

— Ты знаешь, что они делали со мной?

— Смотрели, на что ты способна. Выясняли устойчивость Лирида и твои возможности. Они ищут подходящих людей для экспериментов и фильтруют всех в зависимости от своих целей. Новые сыворотки направлены на проявление потенциала души, усиление или понижение яркости Лирида. И на увеличение затемнения, если это возможно.

— Зачем? — снова удивляюсь я. — Разве черный цвет не считается опасным?

— Опасность кроется в других причинах. Они сортируют всех в закрытых зонах, потому что это может быть полезно. В браслетах есть датчики, они немного влияют на энергию носителя и способны подавлять или усиливать активность организма. По ним можно отследить местоположение и удаленно оценить состояние тела. Я поменял твой датчик, когда забирал его в сентябре. Теперь браслет передает не слишком правильные данные. Когда они поймут это, нас здесь уже не будет. Можешь не благодарить.

Это все слишком... нереально. Я не могу привыкнуть к мысли, что стала участником какого-то жуткого, изощренного эксперимента.

— Кто такая Шейлин? Откуда ты ее знаешь?

— Чувствую себя как на допросе, — ворчливо отзывается Ник. — Давняя знакомая моей семьи. Она... иногда лечила меня в детстве.

— После того, как твоя семья была жестока с тобой? — тихий вопрос невольно слетает с моих губ, когда я вспоминаю его кровавые ссадины.

Как они могут так поступать? Жестокость ранит меня, как будто я переносусь в его тело. Одиночество, холод и пустота. Я испытывала все это. Невообразимо. Чудовищно. Иногда за сказочными декорациями нет ничего, кроме выжженных руин.

— Мне не нужна жалость, Кэти, — резко напоминает Ник. — Жалость — для слабаков. Что случилось, то случилось. Когда-нибудь я взорву этот чертов дом со всем, что находится внутри.

Сердце пропускает удар.

— Жалость часто путают с другими чувствами. И продолжают разрушать себя, не впуская свет внутрь. Это не жалость, а сочувствие. Ты погрязнешь в пустоте и уйдешь на дно, если закроешься от всех эмоций.

— Чтобы начать жить, иногда нужно достигнуть дна, — парирует он. В его задумчивом голосе появляются знакомые, раздраженные интонации.

— А еще найти желание оттолкнуться от него, — заканчиваю я. Порой мне кажется, что я падаю всю жизнь. Ник отводит взгляд, а я не хочу давить на него и задаю другой вопрос. — Что имела в виду Шейлин, когда говорила обо мне? Мерцание символизирует пламенные пары? Мои родители были такими? Пламенные сердца предназначены друг для друга.

— Возможно. Говорят, что между пламенными сердцами существует крепкая нерушимая связь.

— А что насчет золотисто-розового цвета? Почему я никогда не слышала о его редкости?

— Точно не знаю. Легенды гласят, что раньше территорию Вельрума заселяли разные расы и народы, и все они обладали своими цветами и способностями.

— Я помню не так много про Инлемен. Альтертер сжег их дотла?

— Нет. Об этом не говорят и не пишут в книжках, — Ник пожимает плечами, и мой взгляд застывает на его красивых руках. — Ведь почти никто не бывал на их территории и не общался с жителями. Возможно, поэтому таких Лиридов очень мало среди нас. Инлемен ведет изолированный образ жизни. Я не изучал эти подробности, но теперь думаю, что опасностей вокруг тебя стало еще больше.

— Ты знаешь многое о Ресуректоне, да? То, что скрыто от большинства.

— Я рос в доме, где постоянно говорили об исследованиях.

— Но дело не только в этом? — не очень решительно продолжаю я, чувствуя, как ступаю на зыбкую территорию.

Ник пристально смотрит на меня, уголок его губ слегка подрагивает в легкой, снисходительной насмешке.

— Может быть.

— Ты занимаешься чем-то опасным и незаконным?

— Слишком много вопросов.

— Я хочу знать.

— Возможно когда-нибудь, когда ты немного повзрослеешь, я расскажу тебе несколько мистических секретов, — иронично отзывается он, и в синих глазах загорается знакомое удовлетворение.

— Я могу найти другие источники знаний, — обиженно бормочу я.

За последнее время в моей жизни происходит много открытий, которые меняют взгляды на мир. Мне хочется докопаться до истины, чтобы защитить себя.

Мы заканчиваем с завтраком и возвращаемся в гостиницу.

— Посиди здесь недолго, мне нужно съездить по делам.

— Возьми меня с собой.

— Нет.

Его тон не терпит споров. Я подчиняюсь и печально устраиваюсь на большой кровати. Без Ника тревожные чувства вновь обвиваются змеей вокруг шеи. На телефоне несколько пропущенных от Натали. Знаю, что меня ждут новые громадные проблемы. Пишу ей сообщение, что скоро буду дома, и отключаюсь.

Просьпаюсь от острого ощущения знакомого взгляда, который обжигает кожу. Ник сидит рядом и наблюдает за мной. Его космические глаза наполнены приглушенным теплом и спокойствием.

— Ты давно вернулся? — моргаю и двигаюсь к нему.

— Не очень.

Дрожь прокатывается по рукам, когда я поднимаю ладонь и провожу кончиками пальцев по его щеке. Ник напрягается. Пламя, бушующее в сердце, мгновенно растапливает все сомнения разума. *Может быть, я еще не достигла дна. Может быть, нужно выбрать пропасть пострашнее, чтобы взлететь.*

Задерживаю дыхание, заглушаю мысли и наклоняюсь к его лицу. Робко целую. Губы Ника мягкие и теплые. Нежность сталкивается с неистовой страстью, и это сводит с ума. Легкость сменяется нетерпеливостью. Мои неопытные движения и смятение тонут в его кипящем предвкушении. Ник толкает меня на спину и оказывается сверху, целуя кожу под ухом, спускаясь вдоль шеи и оттягивая ворот толстовки.

Когда его ладонь проскальзывает под ткань и касается живота, с моих губ слетает жалобный полувсхлип.

Отталкиваю его и закрываю лицо, пытаюсь отдышаться. Подтягиваю колени к груди, ощущая, как сильно раскачивается мир. Ник приглушенно рычит и притягивает меня обратно. Его сердце бьется так сильно и громко, что я тону в этом звуке.

— Сегодня я не трону тебя, потому что ты потеряла много сил и не восстановилась. Но только сегодня, принцесса.

— Мы можем ехать обратно? — прикладываю ладони к щекам, температура которых возрастает на несколько градусов.

— Можем.

По пути в Лиртем мы непринужденно болтаем на легкие темы, и я чувствую, что Ник пытается незаметно отвлечь меня от тяжелых событий. Но мысли все равно хаотично кружатся вокруг одной темы и вызывают глухую боль в висках.

— Если будешь хорошей девочкой, то, может быть, я отвезу тебя в одно место, где ты узнаешь немного больше о происходящем вокруг, — наконец, говорит он, останавливая машину.

Смотрю в окно и не хочу уходить. Внезапно взгляд падает на выжженный пустырь рядом с моим домом. Раньше там жила семья Дастина. Пронзительная вспышка интуиции жалит грудь и растекается по телу необъяснимой растерянностью.

— Что случилось с домом Форли?

Ник приподнимает бровь.

— Сгорел. Случайно. Вскоре после твоего отъезда в Лурк.

— Ты не веришь в случайности, — смотрю в его глаза и в глубине обезоруживающей тьмы вижу ответ. Невысказанные слова рассыпаются в пыль. — Ты устроил пожар?

Понимаю все без слов.

— Да брось, Кэти. Неужели жалеешь его?

— Ты зря злился из-за него. Я ненавидела Дастина, но родители заставляли ходить в их дом и заниматься с ним. Я плакала по вечерам, потому что он пугал меня. Не так, как ты, — дрожь пропитывает каждое слово.

— Я всегда надеялся, что он сдохнет в муках, — самозабвенно признается Ник. — Это желание не изменилось. Если он приблизится к тебе, то ты сразу расскажешь мне об этом, ясно? Я собираюсь выбить из него все дерьмо вместе с кишками.

Сердце пропускает удар. Не хочу вываливать на него еще одну порцию проблем. Не хочу, чтобы он рисковал и был замешан в опасных связях.

— Кэти? Я хочу, чтобы ты доверяла мне и говорила про любые гребаные недоразумения. Так всем будет проще. Он тебя обижал?

Сдаюсь и киваю, съеживаясь от тяжести откровений.

— Он — племянник Гринеля.

— Потрясающе. Гнилая семейка со всех сторон. Что он делал?

— Просто пугал несколько раз, — сглаживаю ранящие признания. — Говорил неприятные вещи. Он догадывается про тебя и видел, как ты пробирался в мою комнату в прошлом.

— Я понял, — его тон пугающе спокоен, и в нем слышится ледяная неизбежность возмездия.

Я тут же жалею о своих словах.

— Не делай ничего. Пообещай мне. Пожалуйста. Я переживаю за тебя.

— Никто не будет трогать то, что принадлежит мне, — мрачная улыбка искажает его губы. Но лед в синих глазах быстро тает. — Не переживай, принцесса. Со мной все будет в порядке.

— Я не хочу быть слабой, — признаюсь печально. — Но я слабая. И делаю тебя слабее.

— Ты не слабая. Совсем нет. И моя сила в тебе.

С подозрением кошусь на него и собираюсь выйти из автомобиля, когда Ник сжимает мой локоть и наклоняется ближе.

— Введем новые традиции? Поцелуй вместо приветствия и поцелуй на прощание?

Его горячие губы прижимаются к моим. Я закрываю глаза и растворяюсь в нем.

— Все будет хорошо, принцесса. Ничего не бойся, — хрипло шепчет Ник.

Я киваю, целую его в щеку и выбираюсь на улицу. Смотрю на свой дом и не ощущаю ничего, кроме глухой пустоты и тяжелого нежелания идти туда.

Не хочу утонуть на дне. Хочу всплыть и найти берег моего истинного счастья. Верю, что у меня получится. *У нас получится.*

ГЛАВА 6. Темные секреты

Ник

Я нахожусь на настоящем празднике безумия и абсурда.

Сегодня в Марчене устраивается ужин-аукцион для самых близких гостей. Абсолютно все прибыли сюда на полностью секретном и недоступном транспорте моей семьи. Немногие из присутствующих знают настоящие координаты этого места. Как не знаю и я.

Осматриваюсь по сторонам и с трудом подавляю растущее бешенство. Мы идем по бесконечным коридорам, устланными темно-красными коврами. Алиса невзначай дотрагивается до моей руки. Я осаждаю ее взглядом и скидываю ладонь. В ее темных глазах читается нескрываемая гордость от того, что она стала одной из избранных.

— Большинство этажей Марчена предназначены для научных экспериментов, — мурлычет Изабелла, идущая впереди. Зеленое платье некрасиво облегает ее фигуру, а блеск ткани придает сходство со скользкой змеей. — Но некоторые помещения и залы созданы для праздничных церемоний и отдыха долгожданных гостей. Ведь только здесь мы можем приоткрыть завесу тайн наших достижений и планов. Здесь строится новый мир, и лишь особенные имеют доступ к нему.

Главный зал для торжеств украшен с особым извращенным вкусом. Грязно-коричневые стены, черный мрамор, подсвечники со змеями и мифическими существами, громадные люстры, куча картин со странными сюжетами. Абсолютная безвкусица.

Среди избранных около пятнадцати семей. Некоторые из них прибыли из соседних провинций, граничащих с Вельрумом. Например, из Дезероса. Люди пустынь давно враждуют с нами. После одной из войн на общем Совете Вельрума были запрещены любые связи с ними. Моя семья нарушает кодекс и ничуть не раскаивается в этом. Большинство присутствующих родом из округа Блэкмунд, есть несколько семей из Фэминга, Метроса и Терленда. И никого из Рокады и Сантума.

Чуть левее беседуют родители Алисы и Дрейка Греймора, лучшего друга ее брата. Похоже, здесь собраны самые мерзкие личности всей страны. С излишним скрежетом отодвигаю тяжелый стул и сажусь за длинный стол, подготовленный для дикого пира. Алиса занимает место рядом и наливает себе вино. Не могу сдержать гримасу отвращения и презрения.

— Мы впервые здесь, — произносит она и улыбается сидящему напротив толстому мужику. — Но пора привыкать к взрослому элитному обществу. После нашей свадьбы мы официально будем участвовать во многих делах. Папа сказал, что они оформят на нас часть бизнеса.

Господи. Вроде умная с виду, но такая тупая в глубине.

Изабелла и отец восседают в центре стола, дожидаясь последних гостей. Гринель тоже здесь. Его скользкий, козлий взгляд упирается в меня, и я отвечаю ему ледяной ненавистью. Несомненно, он помнит, что я забрал Кэти из Радианта, и теперь хочет знать подробности.

В зале повисает молчаливое предвкушение. Хочу убраться отсюда побыстрее, но даже не знаю, сколько времени прошло с момента прибытия. Это место проклято и оторвано от нормального мира.

— Сегодня мы собрались здесь, чтобы открыть новую страницу истории, — скрипучий голос Изабеллы отскакивает от темных стен. — Совсем скоро многое изменится, потому что мы создадим новую реальность с нашими правилами и предпочтениями. Сейчас я хочу представить вам самый удачный результат наших экспериментов. Поприветствуйте принца Провинции Дезерос — Амана Думенли.

Вокруг разносятся одобрительные возгласы. Я смотрю на худого, длинного парня с узкими, темными глазами. На вид ему лет восемнадцать, но во взгляде уже царствует алчная жестокость. Рядом гордо улыбаются его родители. Аман поднимается с легким поклоном.

— Я очень рада, что сегодня ты с нами, — Изабелла похлопывает его по плечу. — Недавно Аман получил тяжелую травму, практически несовместимую с жизнью. Стандартные методы лечения не давали хороших прогнозов, и тогда его родители обратились к нам. Мы быстро начали процедуру экстренного восстановления организма.

За спиной Изабеллы вспыхивает огромный экран, на котором появляется схема Лирида Амана до лечения. Он практически потух, и энергия стремится к нулю. Диаграмма ресурсов его тела отражает минимум сил. Видео безжизненного парня на больничной койке вызывает гадкую жалость.

Аман поднимает руку и демонстрирует браслет с ярко-красными оттенками.

— Как только мы начали его Восстановление, показатели быстро стабилизировались. Не думайте, что это так легко. Нам пришлось изучить огромную базу доноров и подобрать наиболее удачные совпадения Лиридов. Наилучший результат был достигнут после энергообмена с аномальной девушкой из Сантума. Ее Лирид был черным на шестьдесят процентов. После всего ей даже удалось выжить, в отличие от первых трех человек.

Блеск в глазах присутствующих поражает. Они как будто нашли тайный клад и делят его между собой. Хотя, может быть, так и есть.

— Теперь вы знаете, что мы работаем не зря. С каждым шагом мы ближе к тому, чтобы владеть главными тайнами мира, а, значит, и самим миром. Благодарим всех за спонсорскую помощь.

Аман кланяется еще раз, изучающе осматривает гостей и садится на место. Люди Дезероса всегда казались мне подозрительными и расчетливыми. Они неплохие воины, но способны бить врага в спину. Именно поэтому Дезерос всегда был непримиримым соперником Альрентера. Во время правления династии Веллинтер южная граница тщательно охранялась от любого незаконного вторжения. И до сих пор большинство жителей Вельрума относится к Дезеросу с нескрываемой неприязнью. Однако многое поменялось.

— Разве черные Лириды не являются носителями опасного вируса? — подает голос какой-то новичок.

— Не совсем. Пока точно не знаем, почему они так отличаются от других. Их энергия другая. Она сильнее остальных и, как правило, подходит практически всем, независимо от других цветов. Благодаря этому нам не нужно беспокоиться о полном совпадении Лиридов и добиваться высокой совместимости. Переливание энергии подобно переливанию крови, но на другом уровне. И как вы догадываетесь, важно правильно подобрать нужного донора. Проблема черных Лиридов в том, что некоторые из них умеют блокировать нас и препятствуют процедурам Восстановления. Нам трудно влиять на их душу, но мы работаем над разными сыворотками.

Изабелла делает эффектную паузу. Свет в зале становится приглушенным, его заменяет красная неоновая подсветка. На экране появляются другие кадры, демонстрирующие закрытые зоны по всей стране.

— Черный цвет всегда считался Аномалией. У этих людей есть свои отличительные черты. Обычно мы держим это втайне. Они обладают особой интуицией и тонким знанием. Они чувствуют мир иначе и могут привносить новаторские идеи. Поэтому из некоторых Аномальных получаются выдающиеся ученые, изобретатели, творцы и даже гении. Именно Аномальные проектировали многие города Вельрума и заложили основу Ресуректона. Они строили знаменитый парк «Зеркало» и создавали шедевры искусств, которые мы любим. Их таланты — еще один ценный ресурс. С их помощью Вельрум станет непобедим. Мы собираем аномальных на особых территориях, где они будут жить и работать на нас. Тщательно изучаем каждого

из них. Проводимая терапия предназначена для раскрытия потенциала души и снижения возможностей, с помощью которых они блокируют постороннее вмешательство. Уже есть много успешных случаев.

Картинки мелькают перед глазами, вызывая неприятные спазмы в мышцах. Я не хочу думать о Кэти прямо сейчас, но не могу не вспоминать о ней.

— Мы можем влиять на жителей Вельрума благодаря браслетам со специальными чипами. Они оказывают воздействие на душу и энергию людей: подавляют или активируют ее. Черные Лириды тоже восприимчивы к датчикам, но работа с ними гораздо сложнее, — Изабелла останавливается и наслаждается триумфом. — А теперь хочу показать вам еще один небольшой сюрприз.

Одна из тонких стен отъезжает в сторону, и за прозрачным, толстым стеклом показывается трое Диких. Робкие перешептывания окутывают помещение душной дымкой.

— Новенькие. Впереди еще много работы, но посмотрите на это. Несколько нажатий на мониторе, и мы можем контролировать их.

Отец берет в руки планшет и скользит по экрану толстыми пальцами.

Фигуры за стеклом замирают, а потом бросаются в драку.

— Прелестно, — щебечет Изабелла.

— Это те аномальные, чьи Лириды полностью потемнели? — вновь раздается несмелый вопрос.

— Нет, друг мой. Это те, чья энергия обесцветилась, потеряла любые оттенки. Остались лишь оболочки. Интересное открытие обнаружилось совершенно случайно. Наши ученые создали сыворотку, которая способна менять судьбы. Душа становится похожа на пластилин, из которого можно вылепить все что угодно. Тела и разум остаются в относительно нормальном состоянии, а физическая сила и выносливость иногда увеличиваются. Мы управляем ими и можем поддерживать на определенном уровне, удобном нам. Скоро все враги пожалеют, что когда-то выступили против. Мы уничтожим то, что осталось от Альрентера.

— Впечатлило? — спрашивает Изабелла, глядя на меня, когда я выхожу во двор дома.

Мы вернулись недавно, и мне не удалось добыть ни одной зацепки о том, где расположен Марчен.

— Не очень люблю фильмы ужасов с мутантами в главных ролях, — отмахиваюсь от ее руки.

— Я хочу, чтобы ты осознал полную силу наших возможностей. Надеюсь, что финальное представление доставило тебе особенное удовольствие. Ты один из нас. Никогда не забывай это, Ник.

Она уходит, а я едва сдерживаюсь, чтобы не вытащить нож и не воткнуть ей прямо в сердце.

Финальное шоу заключалось в откровенных танцах полубоженных девушек, запертых в Марчене. Выступление закончилось аукционом. Почти все пленницы имели черные Лириды. Это напоминало первобытное помешательство с похотливыми и порочными играми.

Сажусь в машину и поворачиваю на трассу, ведущую за город. Некоторое время катаюсь по лесу. Торможу недалеко от реки и всматриваюсь в песчаный берег, затянутый туманом. Думаю так много, что голова кипит от переизбытка мыслительных процессов.

В назначенное время подъезжаю к окраине Стерна. Маленький город расположен в двух часах езды от Лиртема и находится почти на границе с Рокадой. Тачка Картера уже на месте. Он слишком радостно улыбается, когда я пересаживаюсь к нему. Ненавижу быть на пассажирском месте, но сегодня иначе не получится.

— Нашел что-нибудь интересное? — спрашивает Карт и хлопает меня по плечу.

Я перевожу на него убийственный взгляд.

— Ничего.

— Совсем?

— Совсем.

— На что похож этот Марчен?

— Какой-то нелепый средневековый замок. Никаких опознавательных знаков. У меня не было даже часов, чтобы сверить время.

— А вид из окон?

— Там нет окон.

— Нам нужно украсть главную станцию управления. Это небольшой ноутбук. И еще образец сыворотки, которая служит основным компонентом для экспериментов. Ты можешь как-то приблизиться к ним?

— Конечно, там же свободный доступ для всех желающих. Без проблем принесу все, что хочешь.

Картер тяжело вздыхает.

— Мог бы ответить нормально. Ладно. Твой след вновь потерялся в море.

— Я думаю, что это остров. Возможно, большинство этажей скрыто под водой. Всего их семь.

— В том районе не так много островов. Почему именно остров?

Задумываюсь, прежде чем ответить.

— Я видел рисунок Кэти, на котором изображен странный замок, издавна похожий на каменную скалу. Он был расположен на острове.

— Кэти? Думаешь, она помнит, что находилась там?

— Она не помнит. Вероятно, это спрятано в подсознании. Но есть и другой вариант. Она часто видит необычные сны, которые потом оказываются близки к реальности. Особая интуиция. Когда я был младше, мне тоже снилось подобное место.

— Ладно, допустим. Предлагаешь нам прочесать все возможные острова в море?

— Как хотите, — безразлично пожимаю плечами.

— Парни будут рады, — фыркает он.

Машина тормозит у разрушенного забора усадьбы Веллинтер.

— Дальше пешком.

Выхожу за ним, накидываю капюшон и превращаюсь в тень. Сегодня в городе темнее обычного.

— Немного поработали над уличным освещением, — хмыкает Картер, читая мысли.

Мы движемся в сторону нового Радианта.

— У нас максимум полтора часа, — продолжает он свой скучный инструктаж. — Заходим через запасной выход, которым пользуется младший персонал. Камеры наблюдения будут транслировать ложную картинку, пока мы там.

— Так доверяешь мне, что рассказываешь все ваши секреты?

— Это не все наши секреты. Далеко не все. И да, я доверяю тебе. Потому что знаю цену твоих ставок.

Мы ждем, пока несколько черных грузовиков покинут территорию Центра. Где-то в глубине раздается громкий хлопок, и наблюдающий за воротами патрульный отвлекается, громко матерясь из-за сломанной рации.

— Неплохо работаете, — изгибаю бровь, поворачиваясь к Картеру.

— Еще бы. Пошли.

Мы проскальзываем внутрь двора и ныряем в кусты. Карт открывает дверь нужным ключом.

— Дубль два? Но в этот раз бензин разливать не будем, — он полунасмешливо напоминает о событиях прошлого, пока мы идем по серым коридорам подвального этажа. Тогда я подожгу Центр, чтобы уничтожить данные о Кэти.

Карт резко останавливается, подавая знак ладонью. Маскируюсь за выступ стены и наблюдаю, как еще один патрульный появляется из-за угла, не слишком внимательно выполняя свои обязанности. Ждем, пока он пройдет мимо, а потом Картер поворачивает в другую сторону и ускоряется. Около одной из неприметных дверей он оглядывается, прикладывает ключ-карту и получает доступ внутрь. Мы ступаем в заваленный хламом небольшой кабинет.

— Этой малышки достаточно, чтобы устроить здесь большой шорох.

Смотрю на крохотную коробку, которую он прикрепляет к столу.

— Ты ведь этого хотел?

Я киваю. Мне нужно, чтобы Радиант приостановил нормальную работу на некоторое время. Это создаст дополнительные преимущества для Кэти.

— Остался час. Есть еще одно небольшое дело.

Закрываем кабинет и идем в сторону лифтов.

— Принес то, что я просил найти? — Карт держится ближе к стене.

Достаю свой козырь в виде электронного пропуска, который я украл у Изабеллы.

— Он не именной. Аварийный. Сделан на случай экстренной ситуации.

— Как раз наш вариант.

— Придется идти по лестнице. Их здесь две.

Я прикладываю карту к дисплею на стене, и почти незаметная дверь отъезжает в сторону.

Мы спускаемся на несколько этажей ниже.

— Над внутренними камерами пришлось потрудиться гораздо дольше. У твоего приятеля, кстати, талант, — шепчет Картер. Я просил Дилана о небольшой услуге. — Надо быстрее сваливать из этого места.

— Ничего не трогай, — предупреждаю я, когда мы оказываемся в кабинете Гринеля. — Не открывай ноутбук.

— Мне нужно добыть что-нибудь интересное в этом вашем логове безумия.

— Внешний жесткий диск, — дергаю головой. Удача явно на нашей стороне. — Отсоединяй его и пошли.

— Конечно, — ворчливо отзывается Картер. — Ты командуешь, а вся грязная работа на мне.

Резкие движения выдают его легкую нервозность, несвойственную Призракам.

— Как будто я вернулся на несколько лет назад, — произносит он и аккуратно забирает диск. — Мерзкие ассоциации.

— Уходим, — шиплю я. — Не время для ностальгии.

Мне знакома тень боли в его глазах. Он думает о Лее. То же происходит со мной, когда вспоминаю о Кэти.

Путь вверх преодолеваем молча и гораздо быстрее. Когда холодный уличный воздух проникает в легкие, я выдыхаю невидимое напряжение. Но слишком рано. У запасных ворот, к которым мы направляемся, вырастает патрульный. Высокий, мощный и вооруженный до зубов. Толкаю Картера в бок и отлетаю в сторону, скрываясь за углом электрической подстанции. Карт молниеносно сливается с тенями. Глядя на это, я понимаю, почему их называют Призраками.

Патрульный останавливается в метре от меня и медленно поворачивается. Тянусь за ножом, закрепленным на поясе, но Картер оказывается быстрее. Удар обрушивается на затылок мужчины. Глухой звук сопровождается громким вздохом, и он падает навзничь, роняя рацию и пистолет.

— Отблаговаришь потом, — ухмыляется Картер.

— Я бы справился и без тебя. Но спасибо.

— Знаю, что справишься. Но уясни: если мы работаем вместе, то это значит, что мы команда. Убираемся отсюда, скоро будет фейерверк.

Мы растворяемся в темноте ровно в тот момент, когда за нашими спинами раздается оглушительный взрыв.

— Неплохо, — Картер склоняется над картой, добытой из сейфа, который мы откопали в лесу недалеко от заброшенного аэродрома. — Как ты догадался?

— Крутил игральную карту из колоды и случайно понял, что она плохо склеена. Отодрал заднюю часть, а там оказался кусок схемы, нарисованной от руки. Потом взял остальные карты и сложил как пазл. На это ушло дохрена времени.

— Дедушка Кэти работал на Ресуректон?

— В самом начале. Он был ученым.

На месте с нужными координатами мы нашли грязную бетонную плиту с изображением феникса, а в яме под ней — небольшой древний сейф. На старых наручных часах в ящике Кэти был выбит код, и он стал ключом к замку. Внутри находились документы и карты, которые касались научных станций Ресуректона и подземных ходов между ними. Это то, чего не хватало в других источниках.

— Сегодня просто прекрасный день, — Карт потирает ладони, чтобы согреться, и закидывает сейф в машину.

— Документы я заберу себе.

— Но...

— Отдам то, что мне не нужно, когда изучу их.

Он понимает все невысказанные мысли по моему предупреждающему взгляду и затыкается.

— Возможно, ты был прав, и в парке Зеркало спрятано что-нибудь интересное. Он отмечен на этой карте, — говорю я.

— Парк начинали строить архитекторы из Гравитации, но часть чертежей переделана твоей семейкой. Мы работаем над этим. Иногда заводишь там, да? Завязывай. Так себе местечко.

— Слишком много советов.

— Я же старше на год, — ухмыляется придурок. — И опыта во многом побольше. Забыл сказать, я подключил проверенных людей к твоей небольшой проблеме с деньгами. Все будет сделано в лучшем виде. Скоро закончим чистку копилки твоих родственников.

Я назвал ему минимально необходимую мне сумму, а призраки возьмут процент от нее в качестве бонусов.

— Где находится Норберт Ланге? Он внебрачный сын моего деда, — говорю я. — Ты обещал устроить нам встречу.

— Обещал? — присвистывает Картер. — Я не говорил про это. Норберт живет на границе Альрентера и Инлемена. Там семейное поместье его дальних родственников по материнской линии. Иногда Норберт навещается в Рокаду. У него есть связи в Совете Округов. Но он возглавляет одно из подразделений Альрентера, руководит городом и вряд ли будет прикрывать твой зад без согласия Доминика. Хочешь спрятаться на его землях? Давай подумаем над этим вместе.

— Хочу спрятать там Кэти на какое-то время.

— Не самый плохой вариант. В его городе обычно тише, чем в других частях Альрентера.

Я постоянно думаю о будущем и пока не вижу четкого пути и решения. Но лучше действовать и соображать в процессе, чем стоять на месте.

— Насчет Кэти...

— Достаточно, — тут же обрываю я. — Эта тема закрыта.

Картер молчит пол минуты.

— Пытаюсь сказать, что я тоже хотел бы помочь ей. Это искренне. Она была дорога мне, как друг. И я часто вспоминаю...

— Еще слово, и ты — труп.

— Пойми, что я не враг тебе и ей. Постараюсь провернуть все без рисков и сделать так, чтобы она оказалась в безопасном месте.

Награждаю его мрачным взглядом и сажусь в свою машину. Безопасность Кэти волнует меня больше всего, потому что происходящее вокруг закручивается в опасную спираль.

Картер мигает фарами своего черного внедорожника, когда я проношусь мимо. Общение с ним не тяготит, в отличие от многих других, но сейчас любые близкие дружеские связи не особо нужны мне. Мы просто партнеры. К тому же он Призрак Альрентера, а от них можно ожидать чего угодно.

Заезжаю в Блэк, чтобы выпить кофе и закинуть что-нибудь в желудок, который напоминает о себе болезненными спазмами. Но когда захожу в один из ресторанов, то не верю своим глазам. Совпадения бывают слишком редко, а я не верю в случайности.

Камерон, Брайан и... придурок Барри, который год назад связал меня с Призраками, мило общаются между собой. Тот самый Барри, который копает под мою семью и всю верхушку Блэкмунда. Тот самый Барри из Альрентера, который люто ненавидит своих врагов. И сейчас он любезничает с Камероном, а тот абсолютно точно купился на этот развод.

— Ник? — Брайан замечает меня. — Что ты здесь делаешь?

— Прогуливался рядом. Никак не ожидал натолкнуться на столь приятную компанию, — едко бросаю в ответ.

Темный взгляд Барри останавливается на мне, его тонкие губы искажаются в кривой, односторонней улыбке. Сегодня он выглядит иначе. Светлый костюм прибавляет презентабельности. Ни один мускул на лице не выдает его мысли, которые совершенно точно кружат вокруг нашего тайного знакомства.

— У нас деловая встреча с Роджером, — сухо поясняет Камерон, показывая, что хочет побыстрее избавиться от моего общества. — Обсуждаем проекты реконструкции Деревни Исчезнувших, о которых я рассказывал, и молодежные Советы управления Округами. Тебе это все равно не особо интересно.

— Куда уж мне до вас, — глухо отзываюсь я и едва не морщусь от отвращения.

Неожиданное открытие гремит в голове. Барри и есть тот самый Роджер, который сотрудничает с Камероном, спонсирует часть работ в Деревне и обещает ему горы золота? Не может быть. Они же познакомились в Совете управления в Рокаде, разве нет? Керона ждет огромный, уродливый, зловещий сюрприз. Чудовищная сюрреалистичная ирония. Он так ненавидит Альрентер и так легко попался на крючок одного из главных Призраков.

Мои губы дергаются в презрительной гримасе.

— Ты прав. Это совершенно не мое дело.

Намеренно сильно хлопаю Брайана по плечу и прохожу дальше, к бару. Аппетит пропадает из-за вида их унылых морд. Беру кофе и возвращаюсь в машину, думая о самой странной встрече, которую мог бы представить.

Камерон и Призрак Альрентера. Охренеть. Наверное, мне стоит разрушить его идеальный мир.

Телефон вибрирует из-за нового сообщения.

Барри: Поделишься хоть какой-нибудь информацией со своими друзьями и можешь забыть о нашем сотрудничестве. Навсегда. Ты под прицелом. Мы найдем твои слабые места.

Следом приходит фото. Моя кровь замерзает и заполняется колючим льдом. На нем я и Кэти в Амасоре перед новым годом. Она с улыбкой прижимается ко мне, а я обнимаю ее за талию. На другом снимке мы целуемся. Сука. Ненавижу его. Ненавижу их всех.

Барри: Ты умный мальчишка и быстро улавливаешь намеки. Надеюсь, ты не разочаруешь.

Швыряю телефон на соседнее сидение и резко газую, оставляя позади морозную пыль.

Меня больше не волнуют проблемы Камерона и Брайана. Я предупреждал их и раньше, что не стоит доверять первым встречным и заниматься глупыми амбициозными проектами. Сейчас мне плевать, что будет с их деньгами и планами. Ублюдок Барри вышел на Кэти. Он опасен и непредсказуем. Сжимаю руль до побелевших пальцев и мысленно ломаю уроду все кости. Надо поговорить с Картером, пусть он повлияет на этого старого козла.

К черту все.

Сегодня меня ждет еще одно дело, наполненное изощренной местью.

ГЛАВА 7. Другой мир

Кэти

— Ты закончишь так же, как твоя настоящая мать, — грубо и колко произносит Натали. — В закрытой зоне. И это случится быстрее, чем ты думаешь. Достала где-то поддельную справку и думаешь, что умнее нас? Мой отец тоже всегда баловал Джессику, относился к ней, как к принцессе, а меня не замечал. Я доказала всем, что всегда была гораздо лучше этой писклявой выскочки. Но потом он вынудил забрать тебя. Я согласилась и надеялась, что ты вырастешь другой. Вложила столько сил и получила взамен одни проблемы. Твое появление разрушило несколько судеб.

Она с грохотом закрывает кухонный шкаф и выходит из кухни, обдавая меня потоком пренебрежения.

Я сделала все, как говорил Ник. Зарегистрировала заявление и заключение из больницы на официальном медицинском сайте Вельрума и получила разрешение для временной приостановки терапии, а потом отправила все документы на почту корпорации «Ресуректон». Короткая отсрочка позволит мне немного выдохнуть, но я все равно чувствую себя как под микроскопом.

Натали следит за любым моим словом и действием, а Виктор иногда заглядывает на ужин. Я слышала, как он рассказывал о кратковременном закрытии Радианта из-за недавнего взрыва и пожара. Слухи распространились быстро, и во всем обвинили Призраков Альрентера. Я не тороплюсь задать вопрос Нику, потому что побаиваюсь услышать правду, которую нашептывает интуиция.

Приостановка терапии лишила семью части денежных средств, выплачиваемых ежемесячно, но не нарушила условия договора. Я решила использовать счета бабушки, чтобы закончить обучение в Средней Академии Лиртема. Часть из них остается заблокированными по решению Натали и Ресуректона, но мне должно хватить на несколько месяцев. Ник уже не раз предлагал мне деньги и с нескрываемым, колючим недовольством выслушивал отказ.

Посвящаю почти все время учебе и рисованию. И, конечно, Нику.... Часто переписываюсь с Саммер и Эми. Иногда мы втроем возвращаемся из Академии и заглядываем в торговый центр или небольшое кафе, обсуждая повседневные мелочи. Обедаем вместе с Эмили, потому что я держусь в одиночестве, а она тяжело переживает потерю Норы. Изредка Эми откровенничает о нелегких отношениях с Камероном. Мы много говорим об искусстве и архитектуре. Саммер рассказывает о моде, ее эскизы одежды поражают оригинальностью, а мечты о собственном дизайнерском бренде заряжают воодушевлением.

Я почти не общаюсь с Дианой, Илией и Синди. Наши беседы незаметно стали труднее и напряженнее. Дастин надолго попал в больницу. Кто-то серьезно избил его. Конечно, я догадываюсь в чем дело. Это произошло сразу после нашего разговора с Ником, и внутри меня распространяется неприятный, грязный дым эмоций, сотканный из вины, тревоги и слабости. Мне не хочется втягивать Ника в неприятности, а Дастин ужасный и хитрый человек. Проблемы будут неизбежны.

После архитектуры наш преподаватель, Джошуа Торсен, останавливает меня.

— Кэти, я хочу пригласить тебя в одно место. Там собираются мои хорошие знакомые. Небольшой клуб единомышленников, — в его словах проскальзывает странный подтекст, пропитанный тайнами. — Мне кажется, что тебе понравится. Встречи проходят раз в месяц по субботам, не так далеко отсюда. Место каждый раз уточняется. Если вдруг надумаешь, то позвони. Среди интересных людей, которые там бывают, можно найти близких друзей. Приезжай и узнаешь много нового о нашем мире.

Он тепло улыбается, внимательно смотрит на меня несколько секунд, а потом скрывается в своем кабинете. Я озадаченно прокручиваю в голове его странное приглашение.

Этим же вечером Ник ждет возле парка. Я сажусь в машину, и он сразу целует меня. Несдержанно и горячо. Его руки проскальзывают под одежду, но я торможу его.

— Я хочу поговорить.

— Только не это, — бормочет он и медленно отодвигается. — Мне и так слишком мало тебя, чтобы тратить время на разговоры.

Складываю руки на груди, обиженно поджимая губы.

— Хорошо, я понял. Разговоры так разговоры.

— Джошуа пригласил в одно место и очень рекомендовал побывать там. Встречи проходят раз в месяц в разных городах. Ты знаешь что-нибудь об этом?

Взгляд Ника леденеет до острого блеска. Он сжимает челюсть и выдавливает.

— Он идиот. Забудь.

— Он говорил очень убедительно. Мне стало интересно.

— Кэти, это плохая идея. Очень плохая идея. Ты туда не поедешь.

— Значит, ты знаешь, о чем речь?

— Допустим.

— И?

— Там собираются маленькие аномальные бунтари.

Удивление растет, словно усиливающийся ветер перед грозой.

— Для чего?

— Чтобы получить поддержку. Позже многие из них становятся беглецами и скрываются где-нибудь в Альерентере.

— Джошуа сказал, что я узнаю больше о мире.

— Тема закрыта.

— Я позвоню ему и сообщу, что согласна, — приподнимаю подбородок. — Следующая встреча в эту субботу.

— Ты плохо слышишь? Я сказал, что ты туда не поедешь, — раздражение в его голосе жалит меня.

Ник непреклонен. Не поддается на просьбы и уговоры. Но я не отступаю, даже не смотря на страх ссоры. Объявляю Джошуа, что согласна, и он направляет меня к Эми.

— Джошуа рассказал о собраниях? Прекрасно. Буду рада видеть тебя среди нас, — искренне говорит девушка. — Мы выезжаем в полдень на машине Шона Кемри. Есть как раз одно место.

Я долго думаю, как сообщить об этом Нику. Не могу промолчать, ощущая тянущее, неприятное чувство предательства со своей стороны, но наши яркие конфликты выматывают меня. Откладываю разговор до последнего, однако в пятницу он пропускает занятия. Вечером я звоню и пишу ему, но не получаю ответа. Как и в субботу утром.

Эми, Шон и его друг, Ларс Аренсен, заезжают за мной без десяти двенадцать. С тяжелым сердцем сажусь в машину и провожаю тоскливым взглядом серые улицы. Пасмурное небо добавляет унылости. Шон Кемри занимается с нами на архитектуре, а Ларса я видела на истории и литературе. Его голубые глаза оглядывают меня с легким интересом.

— Привет, — Эми машет ладонью, когда я устраиваюсь на заднем сидении рядом с ней. Улыбаюсь всем и незаметно посматриваю на телефон. Еще одно сообщение улетело в наш спящий чат. Ник молчит и не читает. — Думаю, тебе понравится на собрании.

— Джошуа не раскрыл всех подробностей. Это встречи Аномальных? Но ведь у тебя нет черных цветов в Лириде.

— Там собираются разные люди. Не обязательно иметь черный цвет.

— Но это определенно будет бонусом, — смеется Ларс. — Не обижайся, Эм.

— Будь повежливее или я порекомендую Джошуа вычеркнуть тебя из списков.

Спустя минут сорок после того, как последние очертания Лиртема скрываются из вида, мы останавливаемся на безлюдной заправке.

— Кэти, — осторожно начинает Эмили. — Я правда рада, что ты с нами. Знаю, это не мое дело, но я видела, что ты общалась с Дианой, Илией и Синди из старой редакции Академии. Они не очень хорошие люди. В начале года их статьи подставили ребят из футбольной команды. Год назад они устроили западню, в которой пострадали Камерон, Джек и Ник. Я знаю, что парни не ангелы и постоянно влезают в неприятности. Но Билл, Дастин и Диана подло действуют за спинами, врут и прикрываются добрыми намерениями. В своей газете они оклеветали несколько девушек и написали полную чушь, а перед этим шантажировали их. Это ужасно. Камерон предупреждал несколько раз и разговаривал лично, но они продолжали. Вороны были слишком грубы, когда отвезли вас в Лабиринты. Я не оправдываю такие методы, но это было последней каплей. Незадолго до того матча они опубликовали грязные статьи о пропавшей сестре Керона и о младшей сестре Дилана. Про меня тоже писали всякое, потешаясь над бедностью и происхождением семьи. Никто с ними не связывается, чтобы не нарваться на неприятности.

Слушаю длинные откровения и еще раз убеждаюсь в правильности своей интуиции. Рассуждения Дианы и Билла звучали совсем иначе.

— Я почти не вижу с ними. Мне не нравилось их отношение к... Нику.

Эмили понимающе кивает.

— Они его ненавидят. Ник грубо наезжал на Билла, Дастина и устраивал драки.

Мы заглядываем в маленький магазин, и пока Эми покупает воду, я смотрю на свое отражение в широком, настенном зеркале. Поправляю волосы и замечаю тревожно-воодушевленный блеск в глазах. Беспокойство связано с Ником, а небольшая поездка наполняет оживленной радостью. Мне хочется узнать мир глубже, увидеть другие грани, почувствовать что-то большее, чем привычные ограничения и серые цвета. Заталкиваю сомнения и страхи в клетку и дышу глубже. Ничего плохого не случится. Интуиция подсказывает, что Эми, Шону и Ларсу можно доверять.

Но все-таки... если бы Ник был сейчас здесь, я бы чувствовала себя теплее и счастливее.

Громкие голоса и шум возвращают мои мысли в реальность. Я думаю о Нике слишком много. Почти постоянно. Нити, тянущие к нему, с каждым днем становятся прочнее и толще.

Рядом с серебристым автомобилем Шона припаркован другой. Темный и знакомый. Мышцы каменеют. Сердце летит вниз. Мое ожившее желание. *Ник*. Он полусидит на капоте своей машины и смотрит на меня черным, мрачным взглядом. Его лицо пугающе спокойно, но воздух вокруг становится холоднее и искрит от напряжения.

Я замираю на месте.

— Видел, что ты висишь у меня на хвосте с самого Лиртема, — произносит Шон, подходя к нам. — В чем дело?

— Мертенс? — вмешивается Ларс. — Неужели? Что тебе от нас надо?

— То, что принадлежит мне.

— Мы едем в Верн. Тебя не приглашали.

— Думаешь? В Верн? Туда, где вы играете в маленький клуб бунтующих против правил? Милое местечко.

Молчание, грохочущее в сыром, туманном воздухе, превращает пространство в вакуум.

— Откуда ты знаешь? — в голосе Ларса вспыхивает яркое пренебрежение.

— Шпиону в свободное время, — издевательски подначивает его Ник, и острая жесткость в его голосе вызывает ледяную дрожь. — Расслабься. Торсен посвятил меня в это гораздо раньше вас.

— Не может быть. Ты... твоя семья...

— Заткнись. Мне надоело. У вас тут двойное свидание или что? Крошка Эмили, а как же Камерон? И почему не позвали меня?

Эми робеет и отводит взгляд.

— Ты нам не подходишь, — враждебно отвечает Шон.

— Кому я не подхожу? Тебе что ли? Может, спросим у всех?

Ник лениво сползает с капота машины и движется ко мне. Ларс пытается перегородить ему путь, но Ник толкает его назад.

— Не приближайся к девушке.

На порочных губах Ника появляется едкая усмешка.

— Принцесса, — говорит он тихо, подходя настолько близко, что, кроме меня, его никто не слышит. — Давай мирно уладим это небольшое недоразумение. И никто не пострадает. Ты ведь не собиралась сбежать от меня? Мы же договорились обойтись без этих глупых детских развлечений. Или это показательно-бунтарский выпад? Думаешь, будет весело, если он тронет тебя своими грязными руками?

Ник кивает в сторону Ларса. Отшатываюсь назад, с легким потрясением вглядываясь в его лицо. Радужки глаз полностью утонули во тьме и напоминают бездонный колодец. В моих широко распахнутых глазах Ник, конечно, отчетливо читает испуг и смятение, и дьявольски смеется.

— Он некрасиво пялился на тебя и наверняка уже прикидывал в голове продолжение вашей встречи. И что ты будешь делать, если меня не окажется рядом?

Прежде милая картинка беззаботной ночи покрывается темными пятнами. Меня вновь будто сшибает с ног.

— Вы ошиблись, — Ник разворачивается и громко, демонстративно обращается ко всем остальным. — Кому-то я все-таки прекрасно подхожу. Она сказала, что ей не нужен никто, кроме меня.

Мертвая тишина заполняет густой воздух.

— Ник, хватит. Уже слишком даже для тебя, — нервно произносит Эмили.

— Она едет со мной. Мы все уладили.

— Это исключено.

Растущее напряжение вибрирует в воздухе.

— Кэти, не стоит доверять ему, — хмурится Ларс.

Вижу, как застывает лицо Ника и как сжимаются его кулаки. Неприятный укол глухой боли колет под ребрами. Не могу больше наблюдать за этим. Обхватываю локоть Ника и слегка тяну на себя.

— Я поеду с тобой. Пожалуйста, прекрати.

Лицо Эмили искажается гримасой сожаления. Я киваю ей на прощание и иду к автомобилю Ника.

— Не боишься садиться в чужие машины? Пропавшие девушки, странные происшествия. В Вельруме небезопасно. Мило выглядишь, кстати.

— Отвезешь меня домой? — произношу я, игнорируя ядовитые намеки. Отвожу взгляд, рассматривая степь сухих зарослей за границей асфальта. Мне обидно из-за того, что он позволяет себе такое поведение. — Я не твоя собственность.

— Иногда жалею об этом.

Мои щеки вспыхивают, и я разрываюсь между тем, что все-таки рада его видеть, и тем, что его властные манеры выводят из себя. Ник включает зажигание и наклоняется ко мне. Сердце сжимается от удушливого трепета, когда я смотрю в его темно-синие глаза. Между нами несколько сантиметров. Мысли кружатся в голове, превращаясь в наваждение. Ник ухмыляется и дергает мой ремень безопасности, защелкивая замок.

Когда машина трогается с места, я отворачиваюсь к окну и молчу. Прикрываю глаза, стараясь вернуть расслабленное спокойствие. Темные непроглядные леса по обеим сторонам узкой дороги напоминают монотонный огромный лабиринт. Скорость стремительно растет. Слова застревают на уровне грудной клетки.

— Мы едем в Лиртем? — спрашиваю я, подозревая отрицательный ответ.

Мне нечего бояться, когда он рядом. Но мерзкий холодок все равно ползет по спине. Одежда внезапно становится слишком узкой, и я не могу вдохнуть полной грудью.

— Не совсем. Немного развлечемся, как ты и хотела, — губы Ника подрагивают в плохо скрываемом торжестве.

Замешательство расползается под кожей, пока он не сводит глаз с дороги. Мне не нравится этот тон и его выражение лица.

— Что мне думать, принцесса? Получаю дурацкие сообщения, еду следом за тобой и вижу свою девушку в компании других парней.

Он ревнует. Крохотная мысль вспыхивает такой яркой молнией, что на миг мое сердце перестает биться. Непривычно видеть, что в его отменном самообладании имеются слабые места.

— Ник... Пожалуйста, сбавь скорость. Мне не по себе.

На резком повороте все внутри сжимается от растущей, как воздушный шар, тревоги. Скоро она вытеснит все другие эмоции. Ник невозмутимо крутит руль и давит на газ, словно не слыша меня. Мы несемся дальше. Я зажмуриваюсь, отчетливо слыша неровный стук сердца в своей голове. Уши закладывает.

— То место, куда вы ехали, совсем не безопасно. И если вдруг что-то пойдет не так, то тебе будет намного страшнее, чем сейчас со мной.

— Хватит меня запугивать.

— Я не запугиваю. Просто показываю разные грани мира.

Мы въезжаем в небольшой город, и на покосившейся вывеске я читаю его название. Верн. Удивление смешивается с осторожным любопытством. Ник тормозит на окраине около одноэтажного дома, который больше похож на небольшой бар. Вокруг темно и тихо, но на обочине виднеются другие машины.

— Выглядит не очень привлекательно.

— Ты думала, что тебя отвезут в престижный конференц-зал для обсуждения секретных планов?

— Нет, — слегка теряюсь я, потому что ехала сюда без ожиданий. — Мне немного не по себе.

— Ты же со мной.

— Это не слишком успокаивает после твоих заносчивых выходок, — отшучиваюсь я, но бессовестно вру. Его присутствие дарит ощущение надежности, чего не бывает ни с кем другим.

— В мире нет места безопаснее, чем рядом со мной. Пойдем, принцесса. Покажу тебе игры для взрослых.

Мы подходим к двери, и Ник стучит три раза, а потом еще два. В окнах не виден свет. Спустя минуту показывается лысый высокий мужчина, который сканирует нас тяжелым взглядом.

— Как вас зовут?

Ник называет имена, тяжело вздыхая. Мужчина осматривает нас еще раз, морщась при виде Ника. Потом достает листок и что-то ищет в нем.

— Проходите. Новенькие? Здесь строгие правила. Одно нарушение и вылетите прочь.

— Повежливее при девушке, мужик. Вас не обучают правилам этикета?

— Какого хера ты вообще здесь делаешь? — рявкает незнакомец, и вены на его лбу выступают гораздо четче.

— Пришел полюбоваться вашим детским клубом. Подвинься в сторону что ли.

Ник берет меня за руку и проводит в дом. Замечаю полупустую кухню, полутемную гостиную и лестницу вниз. Ник уверенно движется к ней. Я робею, когда мы спускаемся в большой подвал, где собралось много людей. Головы присутствующих поворачиваются к нам, и на их лицах отображаются совершенно разные эмоции. Ник не замечает никого, проходит в самый конец и опускается на раскиданные повсюду мягкие подушки, которые используются вместо сидений. Сажусь рядом и непроизвольно прижимаюсь к нему. Ощущаю, что Ник напряжен, и волнуюсь еще больше.

У противоположной стены устроено небольшое возвышение, напоминающее сцену, где стоит пять человек, старше нас примерно на несколько лет. Две девушки и трое парней. Скольжу взглядом по помещению и замечаю Эми, Ларса и Шона. Эми сдержанно улыбается мне, Ларс смотрит на Ника. Джошуа тоже здесь, вместе с Айлин Долор. Они стоят у стены и о чем-то переговариваются. Он обнимает ее.

Мое изумление летит ввысь, когда я вижу Саммер. Она глядит на нас с нескрываемым шоком, и ее внимание мечется между мной и Ником. Саммер из богатой семьи и редко обсуждает темы аномальных, призраков или беглецов. Почему она здесь?

Ник прислоняется спиной к стене. Его глаза сужаются, когда он смотрит на одного из парней в центре. Я мгновенно считываю его реакции и интуитивно кладу ладонь на его колено.

— Если что-то пойдет не так, то ты не отходишь от меня ни на миллиметр. И не отпускаешь руку.

— Что пойдет не так?

— Кэти, это место сбора потенциальных беглецов и отступников от правил. Как думаешь, что может пойти не так? Да, блять, все. Я никогда не отпущу тебя одну, понимая все риски. Но я знаю, что ты не сможешь подавить свое любопытство. Поэтому мы здесь. Смотри и узнавай свой новый мир. Лучше это произойдет под моим контролем.

Он обнимает меня одной рукой, притягивая плотнее к себе. На глазах у всех. Неловкость перемешивается с теплом от его близости, и я не могу отодвинуться. Внезапный прилив беспокойства обжигает кожу, и я бросаю взгляд в сторону. Высокий, худощавый парень с длинными русыми волосами смотрит прямо на нас. Его внимание задерживается на мне слишком долго и не слишком приятно, как будто он замышляет что-то. Отворачиваюсь и прилипаю к Нику, пряча лицо у него на плече. Как в далеком прошлом.

— Хорошо, что ты со мной, — тихо бормочу я.

— Еще бы. Ты слишком милая для общества этих придурков, принцесса. Они пялятся на тебя, как на куклу с выставки, — на последних словах он запинаясь и замолкает. Рука сильнее вжимается в мою талию.

— За эти две недели мы потеряли троих, — слышится мужской голос. — Двое погибли в Центре, а еще одного поймали при попытке побега. Среди наших поисковых отрядов тоже есть потери.

Прислушиваюсь к каждому слову. Это похоже на участие в остросюжетном фильме, только в реальности тайные приключения лишены азарта и радости.

— Вы должны быть осторожны и не привлекать лишнего внимания. Мы стараемся помочь всем, но наши возможности ограничены. Мы не можем быстро вывезти всех беглецов и действуем максимально незаметно. Иначе спастись не сможет никто.

Тихий ропот разносится по сырому подвалу. С другой стороны от меня незаметно присаживается Джошуа Торсен.

— Рад вас видеть, — непринужденно произносит он, салютуя Нику, и получает в ответ раздраженный взгляд. — Кэти, я счастлив, что вы здесь. Ты — одна из тех, кому мне бы осо-

бенно хотелось помочь. И я невообразимо удивлен, потому что тебе удалось привести сюда Ника. Я тщетно пытался почти год, но все безуспешно. Спасибо.

Джошуа коротко посмеивается и отворачивается. Ник почти закипает и явно готовит какой-то хамский комментарий. Я сжимаю его ладонь, переплетая наши пальцы.

— Каждый из вас может обратиться к нам, — громко сообщает высокая, смуглая девушка. — Мы младшие командиры Призраков Равновесия и собираемся здесь, чтобы научить вас выживанию. Для новеньких: наши основные силы рассредоточены в небольших деревнях на севере Сантума и Рокады, а также в горах Альрентера. Однако перейти горы смогут не все. Призраки испытают и проверят каждого, так что будьте готовы. Они не терпят лжи, предательства и трусости. Им не нужны слабаки и крысы.

Вперед выдвигается еще один мужчина с неестественно седыми волосами, гораздо старше всех.

— Не все из вас до конца понимают причины происходящего, — начинает он, поправляя круглые очки. — Младшие командиры постепенно введут всех желающих в курс дела, но я обязан сказать несколько слов. Вы здесь, потому что напуганы и хотите защитить себя. Все, что вам говорят о жуткой аномалии, вирусе и мутациях — ложь. Вы не опасны. Черный цвет не опасен. Вы не бездушные и не станете ими.

Новая волна шепота заполняет помещение.

— Бездушные появляются в результате неудачных экспериментов. Это те, чьи души лишились огня. Их опустошили и сделали это искусственно. Это не болезнь. Их организм заражен смертью, и они разносят это по миру.

Приглушенные голоса вокруг становятся тревожнее.

— Они появились из-за ошибок, которые Блэкмунд и Лиртем не хотят признавать. Альрентер пытался остановить эксперименты. Ученые со всей страны выступали против, но многие из них погибли во время Восстания. Вы должны знать, что происходит в Ресуректоне. Они используют людей, чтобы излечить себя и продлить жизни. Они выкачивают энергию из одних и передают ее другим, восстанавливают себя и всех тех, кто может это оплатить. Лишь узкий круг избранных семей знает скрытые тайны. Изучая совместимость душ, они подбирают наиболее подходящих доноров. Аномальные, с черными цветами Лиридов, важны, потому что являются универсальными донорами и источниками глубокой силы. Они способны на медленное самовосстановление, и с их помощью процедуры Ресуректона протекают наиболее эффективно. Их души сложнее уничтожить и обесточить. Аномальные не превращаются в бездушных существ и мешают им управлять Вельрумом. Вас изолируют, потому что вы являетесь угрозой. Во время восстания Альрентер действовал жестко, но на это были серьезные причины.

Его громкий голос звенит в голове. Чувствую, как холодеют ладони. Услышанное течет по моим венам расплавленным металлом и медленно застывает внутри, сковывая тело.

— Кажется, с тебя достаточно, — недовольно произносит Ник, наклоняясь ближе, и обнимает за плечи.

— Кэти, это все ужасно, — с горечью отзывается Джошуа, все еще сидящий рядом. — Но это правда, которую сложно принять. Никто из присутствующих не был готов к подобному. Будет лучше, если ты узнаешь обо всем раньше, чем мир погрузится в хаос.

— Не уверен, — огрызается Ник.

— Ты не сможешь вечно держать ее в золотой клетке неведения.

— Еще как смогу.

Ник отворачивает меня от остальных и прижимает к своей груди. Я касаюсь щекой его плеча и вдыхаю знакомый, успокаивающий аромат. С ним мне не страшно.

Седовласый мужчина заканчивает выступление, после которого молодые командиры обходят зал и беседуют с новенькими. Тень коренастого парня и высокой девушки опускается на нас, и я поднимаю обеспокоенный взгляд.

— Это... Мертенс, — почти шипит парень и молниеносно вытаскивает нож.

Ник тут же отталкивает меня и вскакивает на ноги. Я в ужасе тянусь к нему, но Джошуа вклинивается между незнакомцем и Ником, гася конфликт.

— Он здесь со мной.

— Какого хрена, — рокочет парень, и его не очень симпатичное лицо перекашивается в неприятной гримасе. — Его семья уничтожила моих родителей. Я убью его прямо сейчас.

Ник бросается вперед и вышибает нож из руки противника, а потом подсекает и валит на пол. Парень падает на спину с глухим грохотом и не успевает увернуться от удара в живот. Ник поднимает нож и приставляет к его горлу. Все происходит слишком стремительно. Несколько секунд растягиваются в бесконечность.

— Ты труп, — чеканит высокая девушка и направляет пистолет в голову Ника.

Я медленно сползаю по стене, пока черные пятна перед глазами сливаются с уплывающим сознанием.

— Ему можно доверять, — спокойно говорит Джошуа, но его лицо напряжено. — Уберите оружие. Все. Мы не боремся против своих. Дора, спрячь пистолет. Я обещаю, что он не сделает ничего плохого.

— Пусть сначала уберет нож.

Ник не шевелится. Все внутри меня дрожит, как будто земля под нами сотрясается от мощных толчков. Я не могу смотреть на них, слезы застилают зрение.

Он не должен быть здесь. Делаю шаг вперед и тихо шепчу его имя.

Ник слышит, но это невозможно в шуме вокруг. Вижу, как застывает его тело, как меняется настроение, переходя от пламенной ненависти к затихающему раздражению. Он нехотя убирает руку с ножом и выпрямляется. Я делаю еще шаг и прижимаюсь к его спине.

— Дора, опусти оружие, — доносится издали дрогнувший голос Джошуа. — Он не враг. Он ваш самый ценный союзник.

— Плохо верю в это, — лежащий на полу парень быстро встает и едва не разрывается от ярости.

— Тупой идиот, — зло бросает Ник.

— Я тебя прикончу.

— Достаточно! — гремит властный голос, и все поворачиваются к седому мужчине, который ранее выступал на сцене. Видимо, он здесь за главного. — Мы не поощряем насилие. Не трогайте его. Вы не слышали Джошуа? Он сказал, что этот парень с ним.

— Этот парень? Он — Мертенс! Наследник уродливой гнилой семьи. Они уничтожали наших родителей, братьев, сестер, друзей, а мы должны принять его в свои ряды? Он сдаст нас, и все многолетние усилия рухнут в одночасье.

— Не суди по себе, жирная крыса, — ядовито отвечает Ник.

Я обнимаю его крепче.

— Я сказал, достаточно, — мягче произносит мужчина. — Мы не судим людей за то, где они родились и кем были их родители.

Парень и девушка отходят, кипя от гнева. Внимание зала приковано к нам, но все спешат сделать вид, что заняты другими делами.

— Меня зовут Питер Бронсон, — мужчина внимательно смотрит на нас, и светлые глаза поблескивают под стеклами очков. — Я руковожу этим лагерем и отрядами Равновесия в Блэк-мунде. Мои ребята немного нервные, но их жизнь диктует условия предельной осторожности. Джошуа говорил о тебе, и я разделяю его интерес.

Ник игнорирует приветствие, берет меня за руку и ведет прочь.

Холодный вечерний воздух охлаждает осевшие на щеках слезы. Ник останавливается около машины, а я больше не могу сдерживать в себе рвущееся наружу пламя чувств. Обнимаю его изо всех сил и тянусь к лицу. Целую. Нежно, трепетно, тепло. Обвиваю руками его шею и

скольжу пальцами по теплой коже, боясь, что Ник может исчезнуть в любой момент. Ощущаю, как остывает его огненный гнев.

Я должна была понять, что ему не место в подобном обществе. Его семья фактически владеет страной, и беглецы их ненавидят.

— Ты ни в чем не виновата, — он опережает мои рассуждения. — Этот придурок полез первым.

— Не следовало сюда приезжать, — качаю головой.

— Торсен прав. Я не могу изолировать тебя от всего, что происходит вокруг.

— Мне все равно, что происходит вокруг, если тебе плохо, — снова целую его. — Я люблю тебя. Люблю.

Признания льются из меня, как бушующая река. Я выдыхаю их вместе с поцелуями и становлюсь счастливее. Хочу, чтобы он всегда знал. Даже если обожгусь и когда-нибудь пожалею.

— Я испугалась за тебя. Никогда не рискуй собой, слышишь? Не оставляй меня здесь одну.

В тот момент, когда я увидела приставленный к его голове пистолет, вся моя жизнь потеряла краски и смысл. Остался лишь неистовый страх.

Ник прикрывает глаза.

— Я никогда не оставляю тебя одну.

Мое сердце успокаивается от его уверенного тона.

— Не хочется прерывать, но... — слышится позади голос Джошуа. — Мне жаль, что так вышло, Ник. Питер просил передать, что будет ждать вас вновь. Он поговорит со своими командирами.

— Я тронут, но это лишнее, — едко отвечает Ник. — Это грязноватое местечко все равно не войдет в список моих любимых заведений.

— Вам обоим нужны союзники. Нужны те, кто поймут и помогут. Любому из нас важно знать, что мы не одни в этом мире.

— А где гарантия, что все твои приятели честные и преданные? Я бы не доверился ни одному из них. Половина присутствующих играет в повелителей бунтарей, а вторая половина трясется от страха и при любой серьезной опасности продаст другого в обмен на свою жизнь.

— Зря ты так думаешь. Учись доверять.

— Доверять кому? Кучке непонятных идиотов, которые с радостью убили бы меня?

Вздрагиваю от его слов. Ладонь Ника замирает на моей поясице.

— Иногда первое знакомство обманчиво.

— Ключевое слово — иногда.

— Знайте, что вы всегда можете обратиться ко мне. Или к Питеру. Питер помог очень многим.

— Организует экскурсии через горы Альрентера?

— В том числе. Он был ученым и потерял семью во время восстания, а теперь считает своим личным долгом заботу о всех тех, кого затронули результаты исследований.

— Мило.

— То, что он говорил — правда? — спрашиваю я. — Про аномальных и бездушных? Мы не станем чудовищами, если Лирид полностью затемнится?

— Не станете. Просто вы немного отличаетесь от остальных. Не лучше и не хуже других.

В моей голове медленно оседает новая информация. Мир постепенно переворачивается вверх дном.

— Вы узнаете много нового, если вернетесь сюда. И я всегда открыт для вопросов.

Ник подталкивает меня к машине.

— Я сам расскажу тебе больше, чем эти психи, — понижая голос, говорит он.

— Кэти, — зовет Торсен. — Зайди ко мне в Академии. Я хочу поговорить о твоих картинах и о небольшом конкурсе.

Прощаясь с Джошуа и сажусь в автомобиль, зависая в огромной темной туче новых знаний. Слишком сложно, непонятно и запутанно. По пути в Лиртем задаю Нику еще несколько вопросов, но голова гудит и перегревается от избытка эмоций.

— Твоя семья возглавляет Ресуректон и все эксперименты?

— Да. Вместе с Гринелем. И они получают от этого максимальную выгоду.

— Они... убивают людей и превращают их во что-то ужасное? Это же аморально и жестоко.

На красивых губах Ника расцветает тяжелая ухмылка.

— Это верхушка айсберга их ненормальности. Они хуже чудовищ, которых создают в своих лабораториях.

— А ты... что они делают с тобой? — вопрос слетает с моих пересохших губ слишком быстро, чтобы я подумала о его последствиях.

Острое лезвие темно-синего взгляда пронзает мою душу насквозь.

— Я должен играть по их правилам. Должен быть таким, как они.

— Ты никогда не будешь таким, — шепчу с горечью и сожалением.

— Не слишком романтизируй меня. Во мне много всего... неправильного.

— Они внушили, что ты — один из них. И теперь ты ранишь себя изнутри. Не делай этого, не разрушай себя. Не позволяй им сломать себя. Пожалуйста.

Он крепко сжимает руль и переводит внимание на дорогу. Его лицо превращается в маску, скрывающую внутренние противоречия.

— Ради чего они все это делают?

— Чтобы владеть Вельрумом, а, может быть, и миром. У Ресуректона нет аналогов, и это дает им огромные преимущества. Повсюду есть много богатых и влиятельных людей, которые тяжело больны или беспокоятся о семьях. Они действительно восстанавливают свои тела, как бы странно ни звучало, но цена оказывается огромной. Им нужно больше энергии и больше процедур. Поэтому конвейер Центров работает все быстрее. Демонстрация бездушных, которых они сами и создали — прекрасный метод запугивания.

— Как выглядят Лириды Бездушных?

— Они полностью бесцветны, как и глаза. Белые, прозрачные оболочки. Их души лишены света. Они плохо управляемы и физически сильны. И им нужно вдвойне больше питания, потому что внутренний источник энергии не активен.

Сердце так больно давит на ребра, что я задерживаю дыхание. Вспоминаю свои посещения Центров, жизнь в Лурке, и страх вонзается глубже.

— Они используют людей и помещают их в закрытые зоны, — неуверенно продолжаю я. — Меня ждет то же самое? Для этого я им нужна?

— Тебя это не ждет, — цедит он сквозь сжатые зубы. — Они изучают и отбирают тысячи людей по всей стране. Ищут особенно ценных. Но ты не принадлежишь им. Ты — моя.

— Не могу поверить, — качаю головой. — Все слишком нереально. Чем занимаются такие группы, как в Верне? Они беглецы?

— Беглецы и отряды сопротивления, отступники. Спасают себя и выискивают похожих, чтобы увеличивать силы. Переходят на сторону Альрентера, планируют сражаться против моей семьи и их приближенных. Некоторые становятся Призраками, некоторые исчезают в безопасных местах. Я не знаю всех подробностей, но не очень доверяю им. Они обещают людям убежища, которые спрятаны в Сантуме, Рокаде, а иногда и в Альрентере.

— Сантум и Рокада играют за Альрентер? — каждый новый вопрос вызывает цепную реакцию взрывов.

— Каждый играет сам за себя.

— Тогда в прошлом, после пожара... это была процедура Восстановления? — мой голос становится тише. — То, что происходит в закрытых Центрах? Мы с тобой...

— Да. Мы уже говорили об этом, — он чуть опускает голову, и темные волосы спадают на лоб.

Мне очень хочется взъерошить их, но я касаюсь его плеча и немного сжимаю пальцы.

— Не понимаю, верю ли я в это или нет. Но если был бы хоть один крошечный шанс помочь тебе, то я бы никогда не отказалась.

Еще один, более опасный, пронзительный взгляд опаляет мое лицо. Я выдерживаю и смотрю в темные глаза, погружаясь на всю глубину его чувств, где царит хаос.

— Больше не произноси этого. Никогда. Я не позволю тебе.

Его согласие не потребуется. Отворачиваюсь к окну и замолкаю, борясь с переизбытком слов и эмоций.

Ник довозит меня до дома, останавливает машину в тени и целует. Долго, плавно, неспешно. Мы не можем надышаться друг другом, не можем расстаться. Не хочу идти домой, не хочу погружаться в одинокую постель. Мне так тепло с ним.

— Мы сбежим отсюда, Кэти, — выдыхает он, ловя мой тихий стон.

— Я хочу быть с тобой, — прикрываю глаза и тяжело дышу. — Мне страшно, потому что все между нами слишком хрупко.

— Нет. Между нами все очень глубоко, — легкая насмешка трогает его губы. — Никто это не разрушит. Даже ты. И даже я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.